

КНИГА III

НИКА

ЛЕТТА

ИТОЙ

ИСКУПЛЕНИЕ

18+

Ника Летта

Итой. Искупление

«Автор»

2025

Летта Н.

Итой. Искушение / Н. Летта — «Автор», 2025

Он был эльфом, предателем и мастером чужих слабостей. Теперь он — Даша. А у Даши есть брат, друзья, планы на Лондон и жизнь, в которую Итой никто не приглашал. А где-то между мирами умирает его настоящее тело — вместе с последним шансом найти ту, ради которой он когда-то предал всё. Примечание автора: Dark fantasy romance (Asian-inspired) «Цикл о нагах, где каждое чудовище однажды встречает того, перед кем уже не может спрятать свою вину» #роковая_ошибка #гонка_со_временем #спасти_ее #моральный_выбор

© Летта Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРЕДИСТОРИЯ	5
ГЛАВА 1: ЭЛЬФ ПРЕДАТЕЛЬ	10
ГЛАВА 2. ДУША ЭЛЬФА В НАШИ ДНИ	15
ГЛАВА 3 ОЧНУЛАСЬ НЕ ТА.	21
ГЛАВА 4: ЭЛЬФ НА ВЫДАНИЕ	28
ГЛАВА 5. КОГДА ТЫ ГОСТЬ	35
ГЛАВА 6 ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ...	44
ГЛАВА 7 ДОМ НЕ ВЫДЕРЖАЛ ТРОИХ	51
ГЛАВА 8 СЮРПРИЗ ДЛЯ КОМАТОЗНИЦЫ	57
ГЛАВА 9 КОГДА РОДИТЕЛИ ПОЧТИ ДОМА	62
ГЛАВА 10. ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ника Летта

Итой. Искупление

ПРЕДИСТОРИЯ

На кровати росли горы одежды, у чемодана уже не закрывалась молния, а я стояла над всем этим богатством, уперев руки в бока, и размышляла, можно ли считать пять одинаковых чёрных водолазок жизненной необходимостью.

— Можно не брать третью.

Я резко обернулась.

— Ты подкрадываешься специально?

— Нет.

— Не верю.

— Это уже твои личные трудности.

— Нет, мои личные трудности сейчас — выбрать между вот этим свитером и вот этим.

Он мельком глянул на кровать.

— Возьми оба.

— Вот! Вот за это я тебя и люблю. Никаких мелочных ограничений.

— Я просто знаю, что спорить бесполезно.

— Верно. Учишься.

Я снова уткнулась в чемодан, перекладывая вещи. На душе было странно. Вроде и радостно — новый проект, новый ритм, самостоятельность. А вроде и неуютно. Как будто я сама себе устраивала маленькую проверку: ну что, Вика, сможешь без своей удобной сказки?

И в тот самый момент, когда я уже почти застегнула молнию, по спине вдруг пробежал холодок.

Очень резкий и неприятный. Я выпрямилась. В комнате стало тихо. Слишком тихо. Даже улицу за окном будто приглушило.

— Сеичи?

Он стоял у окна. Неподвижно. И вот это мне сразу не понравилось. Потому что в быту Сеичи живой. Спокойный, но живой. А когда он замирал вот так — это значило, что в мир выходит не мужчина с кухни, а кто-то гораздо древнее и опаснее. Я медленно поставила на пол косметичку.

— Что такое?

Он не ответил сразу. Только чуть повернул голову, будто к чему-то прислушиваясь. Не ушами — всем собой.

Я никогда не умела объяснить, как это выглядит со стороны. Просто в такие моменты рядом с ним пространство будто становилось теснее. Воздух — плотнее. А у меня просыпалось очень нехорошее ощущение, что если сейчас моргнуть, можно увидеть что-то лишнее.

— Сеичи?

— Здесь появилась трещина, — тихо сказал он.

— Где?

— Не в этом доме.

Очень помогло, конечно.

— Ты можешь говорить понятнее, а не как древний дух на полставки?

Обычно он бы ответил. Сейчас — нет. Взгляд у него стал совсем другим. Сосредоточенным. Холодным. И от этого у меня внутри всё подобралось.

— В мир вошло нечто чужое, — произнёс он наконец.

У меня по спине снова пробежал холодок.

— Чужое... это как?

— Не отсюда.

— Ну, знаешь ли, после некоторых событий это звучит не так уж эксклюзивно.

Он медленно перевёл на меня взгляд.

— Это не к добру.

И вот тут мне впервые по-настоящему расхотелось ехать в свой прекрасный самостоятельный Каннам. Потому что голос у Сеичи был как всегда спокойный. Но сейча он был... слишком спокойный.

А я уже успела понять: чем спокойнее он звучит в такие минуты, тем хуже на самом деле обстоят дела. Я машинально посмотрела на чемодан. Потом на него. Потом снова на чемодан.

И очень некстати подумала, что, возможно, мой великий план по красивой независимости откладывается.

Или, наоборот, только начинается.

Он предал друга, брата, императора. И все ради любви... За несколько десятилетий до его падения...

- Люблю...- шепчут ему окровавленные узкие губы...

Все в нем в этот момент переворачивается изнутри, он так жаждет спасти того, кто произнес это слово... Но он не может. Очередная вспышка и он стоит на коленях посреди своего кабинета в ногах у Богини Аллимуа.

- Что это только что было? – прохрипел эльф, все еще ощущая отголоски испытываемых чувств.

- Ах это... - пропела бессмертная и подцепила пальцами подбородок эльфа – Это твое будущее мальчишка, если будешь служить мне.

Сидя перед камином в его личном кабинете ректора "Академии Предтечи" Итой Хортар с наслаждением пригубил бокал с вином, глядя на то, как язычки пламени пожирают подброшенное полено. Огню нужно совершенно мало времени чтобы превратить твёрдое дерево в горку золы. Так и им с друзьями хватило всего тридцать лет на то, чтобы посадить Дахора на престол. Ведь люди не сразу прознали про то, что границы ничейных земель накрыло куполом.

Тогда трио выпускников Академии даже не подозревало о той суматохе, которая происходила возле невидимого купола. Пока однажды во время практики их не отправили в помощь магам, которые пытались пробить купол. Вот тогда в одно из дежурств они выяснили любопытный нюанс, что купол покинуть может один Дахор и те, кому он даст на то разрешение.

Молодые и горячие они тогда долго сидели у костра и обсуждали произошедшее. И как поступить с открывшимися знаниями решили с утра, здраво рассудив, что в порыве эмоций могут наворотить кучу дел. Затем легли спать, закутавшись в спальники

Сделав очередной глоток вина, эльф расслаблено откинул спину на диван обхватив одной рукой его спинку и с ностальгией улыбнулся.

В ту ночь только он не спал, ведь именно тогда ему открылся истинный смысл тех видений в день своего спасения. Их он тогда посчитал за галлюцинации, а точнее за визуализацию желания быть кому-то нужным и найти настоящих друзей.

На следующий день, утром он так и не рассказал друзьям о своих видениях пятилетней давности. И после двухчасового обсуждения все они решили пока молчать о произошедшем. Разумно рассудив, что как воспользуются этим знанием старшие неизвестно. Не факт, что не попытаются убить их троих, если не получится переманить на свою сторону. Времена тогда были не спокойные, а народ нервный.

Эльф на первых порах ещё пытался пару раз открыть свой секрет, но каждый раз перед глазами представал силуэт матери. А остроконечные уши, словно сквозь время, слышали приказ никому ничего не говорить, поэтому он молчал. Молчал и решил сделать все от него зависящее, чтобы приблизить будущее. Подталкивал друзей поступить на службу к дракону, на тот момент имевшему большее число сторонников, несмотря на творившуюся под куполом анархию.

Он играл на стремлениях, амбициях, чувствах, ощущениях, опыте, всех кто их троих окружал. Сначала медленно, исподволь, это помогло им за четыре года приблизиться к главе рода. Дар прорицания открылся ему в стрессовой ситуации и больше себя никак не проявлял, ему пришлось тренироваться до изнеможения, чтобы научиться вводить себя в нужное состояние.

После чего, пользуясь тайными знаниями и полученному за четыре года опыту, подтолкнуть старого дракона к идее объединения родов из разных рас, не составило труда. Выступать переговорщиками поручили, естественно, им троим. Далее десятки хитросплетённых интриг, сотни стычек, тысячи унесённых жизней. В одну из таких битв, когда Дахора смертельно ранили и ему(эльфу) уже казалось, что часть пророчества о правлении друга не сбудется, появление Илирийий. Магическое воплощение, легендарной огненной драконицы, защищающей никому неизвестного змайса, заставило драконов склонить головы перед Дахором.

И вот они уже втроём обсуждают план как убедить оставшиеся рода и кочевников присоединиться к ним, и следовать установленным законам и правилам. В день, когда народ осознал, что больше им не грозит медленное угасание, Дахора Огненного признали истинным императором ничейных земель.

Все эти года он Итой находился подле императора. Несмотря на признание народом, находились те, кто ставил под сомнение власть Дахора. Глупцы просто не знали, что причина появления купола, это Илирийий и сам Дахор. И всеми немыслимыми путями пытались выведать, КАК императору удалось создать бреши в куполе и научиться их контролировать? Итою это быстро наскучило, и он решил покинуть дворец выпросив себе место ректора в местной академии.

Все же искать новые таланты и делать огранку будущих умов этой страны было намного интереснее чем копаться в грязном белье нынешней аристократии. Будущее главы каждого из ста пятидесяти родов ему и так известно. Он не видел причины вмешиваться, тем более государственные дела навевали на него тоску....

Сделав последний глоток Итой бросил бокал в камин и вновь откинулся на спинку дивана запрокинув голову....

«Все стало скучно и пресно...»

Первая часть пророчества выполнена, а вот вторая...

Единственного чего он не мог понять, так это то, что же ему предложит в будущем богиня разрушения, что он согласится предать друга? Ведь он по-настоящему ценил своих друзей?

ГЛАВА 1: ЭЛЬФ ПРЕДАТЕЛЬ

В этот самый момент подул сквозняк, и чёрная дымка метнулась к камину, потушив пламя, а он ощутил на своём лице лёгкое касание воздушной ткани...

— Так-так... ты словно знал, что я приду... ждал меня... — нежнейший голос содержал в себе всё: нежность матери, ласку возлюбленной, восторг победителя. Он нёс в себе соблазн... но также заставлял волосы на затылке становиться дыбом, предупреждая об опасности.

Итой Хортар насторожённо поднялся с дивана, всматриваясь в темноту...

— Ждал, Темнейшая... — ответил ровным голосом, всеми частичками тела ощущая мощь, исходящую от богини, которую та и не пыталась скрыть, словно жаждала, чтобы он преклонил перед ней колени.

Дымка тьмы в этот момент вернулась к своей хозяйке, оставив пламя в камине нетронутым, тем самым сделав кабинет светлее...

— Почему тогда всё ещё стоишь на своих ногах, а не целуешь полы моих одеяний? — насмешливо мурлыкнула женщина, выходящая из тени. — Не выказываешь мне своё почтение?

Эльф тем временем оторвал взгляд от пола и решил посмотреть на ту, чьё лицо в его воспоминаниях было подёрнуто тенью. Что сказать, богиня поистине была прекрасна. Имела экзотический разрез глаз, тончайшее телосложение. Не нашлось бы по всему Элтаэ эльфийки, способной соперничать с ней по красоте...

— Нравится? — уподобившись смертному, Аллимуа, обойдя эльфа по кругу, прильнула к его спине, дав почувствовать все изгибы, не прикасаясь к нему руками.

Ничто не дрогнуло в ледяном сердце эльфа, ни одна частичка тела не ответила на безмолвный призыв, хотя для глаз лик богини был поистине усладой...

— Вы прекрасны, Темнейшая.

— Но? В тоне твоего голоса чувствуется пресловутое «но», смертный. И ты так и не ответил на мой предыдущий вопрос! — в этот раз голос не был усладой, он требовал ответа.

Чем Итой не преминул воспользоваться, чётко отслеживая тон своего голоса и очень аккуратно подбирая слова. Ни на минуту не забывая, что перед ним существо намного более древнее и мощное, нежели он сам...

— Эльфы не поклоняются тёмным богам чужого пантеона, Темнейшая. — Далее он ступал по хрупкому льду. — Это станет возможным только после того, как я сам решу служить тебе...

— Ха-ха... умный мальчишка...

— У меня было время подготовиться перед встречей с вами. Библиотека академии содержит множество свитков, и самый важный, по моему мнению, — предания о заветах Создателя...

— Хм... согласна... любопытный манускрипт... — неспешно шагавшая среди полок со свитками богиня на последних словах эльфа остановилась. — Но что заставляет тебя думать, что всё написанное там правда, и что за твою дерзость я тебя не убью здесь и сейчас?

— Я пока для чего-то нужен вам, Темнейшая... — он совершенно не был уверен в том, что его не убьют после того, как он выполнит свою роль.

— Очень неудобно видеть будущее всех, кроме своего собственного, не так ли? — с сочувствием пропела бессмертная и словно с жалостью посмотрела на него.

За годы, проведённые бок о бок с друзьями, Итой никогда не чувствовал себя в чём-то ущемлённым. Наоборот, порой он сам за собой замечал, что в нём проклёвывается едва заметное высокомерие. Всё чаще он стал свысока смотреть на многих существ. Когда ты знаешь, что будет, порой подстраивая и ускоряя события, хочешь не хочешь, а чувство превосходства появляется. Поэтому замечание богини вызвало в нём усмешку.

— Это ничего бы не поменяло. Кто я такой, чтобы изменить судьбу? Я просто смертный, который лишь помогает воле богов сбываться...

— Ах-ха-ха... Сколько высокомерия... Считаешь себя равным богам, мальчишка? — Аллимуа заразительно засмеялась, утратив плотность тела и на секунду превратившись в тень женщины. — Считаешь, без тебя намеченное ткачихами судьбы не сбылось бы?

— Отнюдь. — Итой нахмурил белоснежные брови. Не любил он, когда его словам придавали совершенно другой оттенок, нежели тот, который он хотел в них вложить. — Никогда не ставил себя на одну ступень с богами. Просто понимаю, что даже если бы я знал свою судьбу, в моих силах было бы лишь ускорить или отсрочить неизбежное...

— Хм... всё именно так, как я и думала, — прошелестела Аллимуа, вновь обретая плотность тела, и шагнула ближе к Итою. — Что ж, мне это только на руку... Так что... СМОТРИ!!

В этот самый момент она взяла его левую руку и приложила в то самое место, где у эльфов находилось сердце...

Вспышка — и он пролетел сквозь ледяные просторы собственной души, а затем осознал себя на мосту среди бела дня. Вокруг чувствовалась вонь неизвестных ему веществ, громкие гудки непонятных механизмов и толпа людишек. Они его отчего-то раздражали. Помимо раздражения, в груди поселились паника и беспомощность. Эти чувства он испытывал лишь однажды и никогда ни с чем больше не перепутает.

Что за Хас? Откуда эти пагубные ощущения? Он больше не беспомощный ребёнок. Что за игру затеяла богиня?..

Несмотря на лёгкую дезориентацию, всё становилось очень реальным, стоило ощутить тяжесть чего-то на своих коленях. Лёгкое прикосновение к его лицу помимо воли опускает

голову, и он встречается взглядом с голубыми глазами. В этот самый миг он осознаёт, что кроме испытываемых эмоций паники и беспомощности ощущает нечто невероятное... Сильное, объёмное и одновременно глубокое чувство, которое переполняет каждую клеточку его тела...

Что это?

— Люблю... — шепчут ему окровавленные узкие губы...

Всё в нём в этот момент переворачивается изнутри. Он так жаждет спасти того, кто произнёс это слово... Одно-единственное слово, которое описало весь тот ураган, царивший в глубине его души. Но он не может. Не может ничего сделать. Он не чувствует потоков магии, и от этого его переполняет отчаяние. Когда он уже решил, что сойдёт с ума от наплыва чувств, его затягивает обратно.

Очередная вспышка — и он стоит на коленях посреди своего кабинета, у ног богини Аллимуа. Всё прошло именно так, как она того хотела...

— Что это только что было? — прохрипел эльф, всё ещё ощущая отголоски испытанных чувств.

— Ах, это... — пропела бессмертная и подцепила пальцами подбородок эльфа. — Это твоё будущее, мальчишка, если будешь служить мне.

— Кстати, каково это? «Как любят эльфы», мой мальчик? — всё в ней говорило о повышенном любопытстве: и слегка округлённые глазки, и задёрнутый носик, и чуть приоткрытые губы...

— Больно... — с трудом переведя дыхание, ответил Итой и на деревянных ногах поднялся с колен, а затем, словно стряхивая наваждение, мотнул головой. — Думаете, я в здравом уме соглашусь вам служить после увиденного?

— Оуч... печальный итог, да? — прикрыв ладошкой рот, невинно поинтересовалась она, снова став прозрачной.

Итой непроизвольно потёр грудную клетку, где ледяное сердце всё ещё вздрагивало от обрывков воспоминаний будущего, которого он предпочёл бы избежать. Тут тень богини подлетела вплотную к эльфу, лицом к лицу, и прошептала:

— А что, если я скажу тебе, что судьбу можно изменить?

Ледяное сердце сбилось с ритма, а бессмертная исчезла в тени. Напоследок он услышал:

— Думай, эльф, думай... Твоим согласием станет раскрытая тайна Дахора и охота на Сердце Пламени...

ЗЕМЛЯ, НАШИ ДНИ

Итой приходил в себя медленно, с нарастающим раздражением прислушиваясь к тому, что происходило с телом. Оно ощущалось непривычно лёгким. Неправильным. Слабым.

Само это чувство вызывало в нём отторжение. Открыть глаза оказалось неожиданно трудно, будто веки налились свинцом. Вокруг витал незнакомый запах — резкий, сухой, лишённый жизни. Не травы. Не зелья. Не магия. До слуха доносились равномерные гудки, приглушённые шаги, шорох ткани и чьи-то голоса.

Всё это сливалось в чуждую, раздражающую какофонию.

Наконец он разлепил веки и уставился в ослепительно белый потолок.

Белый. Пустой. Без единого символа, без росписи, без следа защитных или целительных чар.

Что за убогое место?

Стоило попытаться собраться с мыслями, как голову пронзила резкая боль. Итой зажмурился, пережидая вспышку, а когда вновь открыл глаза, его взгляд наткнулся на металлическую стойку рядом с кроватью. К ней был подвешен полупрозрачный мешок с жидкостью, от которого тянулась тонкая трубка, воткнутая прямо в его руку.

Он замер. Мерзость.

Что за варварский способ поддерживать жизнь? Итой медленно поднял ладонь и уставился на неё уже внимательнее. Взгляд скользнул ниже — по запястью, плечу, телу под тонкой тканью — и внутри всё похолодело.

— Что за Шарх... — беззвучно выдохнул он, с трудом удерживая лицо неподвижным.

На долю секунды в груди шевельнулось нечто особенно мерзкое — отголосок беспомощности, той самой, которую он не испытывал с детства и которую презирал всей душой. Чувство было не его. Или уже его? Это раздражало сильнее всего.

Он резко попытался сесть, но тело тут же отозвалось слабостью. Руки дрогнули. Перед глазами потемнело. Каждый мускул будто насмеялся над ним, напоминая, насколько жалкой стала его нынешняя оболочка.

Возмутительно.

Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы подавить первую вспышку ярости и заставить себя дышать ровнее. Если он ещё способен мыслить — ситуация не безнадёжна. Только эта мысль успела оформиться в сознании, как дверь тихо приоткрылась и в комнату вошла человеческая женщина. Заметив, что он очнулся, она оживилась и быстро подошла ближе.

— О, вы пришли в себя! Как вы себя чувствуете?

Итой медленно перевёл на неё взгляд. Человечка. Обычная. Безвкусно одетая, с усталым лицом и участливым тоном, который уже через мгновение начал его раздражать. Она смотрела на него открыто и смело. Слишком по-хозяйски приблизилась.

Он ничего не ответил, так как не видел причины тратить слова на первую встречную, пока сам не понимает, куда его занесло и что именно сотворила с ним богиня. Женщина, однако, его молчание не смутило. Подошла ещё ближе и принялась проверять трубки, закреплённые на его руке, что-то поправлять, смотреть на странные приборы рядом.

Итой едва заметно сузил глаза. Какое невыносимое существо. В другое время он уже поставил бы её на место одним взглядом. Сейчас же приходилось терпеть. Это бесило.

Он скользнул взглядом по собственным пальцам — тонким, чужим, почти изящным — и с трудом удержался от того, чтобы не выдернуть из вены этот отвратительный шланг немедленно.

Нет.

Спешить нельзя. Сначала — понять. Где он. Что это за мир. Почему здесь нет магии. И почему, во имя Хаса, он заперт в теле какой-то человеческой женщины.

Итой отвёл взгляд от назойливой человечки и уставился в белую стену, заставляя себя мыслить хладнокровно.

Он предал друга. Предал императора. Заключил сделку с богиней разрушения. Лишился собственного тела, собственной силы, собственного мира — и всё ради того, чтобы найти ту, чья смерть была уже вписана в его судьбу.

И что теперь?

Теперь ему придётся искать её так. В этой жалкой оболочке. Без магии. Среди людей.

ГЛАВА 2. ДУША ЭЛЬФА В НАШИ ДНИ

— Я Итой Хортар. И я найду способ всё исправить. При необходимости прибегну и к тёмной магии.

Но оставалась одна загвоздка. В этом теле он не чувствовал потоков энергии. Ни малейшего отклика. Ни искры. Пустота. Эта мысль заставила его похолодеть. Впрочем, даже её он не позволил себе долго пережёвывать. Любая система подчинялась законам. Если в этом мире существовала энергия, значит, были и проводники, и катализаторы, и способы пробуждения. Нужно лишь понять принцип.

Найти того, кто владеет местной силой. Найти того, кто знает, как ломаются и восстанавливаются каналы. Найти способ вернуть себе власть.

Его размышления прервала дверь.

Она открылась резко, и в палату вошёл человеческий мужчина — высокий, широкоплечий, с уставшими добрыми глазами. Его лицо показалось Итою смутно знакомым, и это сразу насторожило. Он смотрел пристально, пытаясь понять, откуда взялось это чувство.

— Дашка, ты наконец очнулась, — с явным облегчением выдохнул вошедший и шагнул к нему. — Ты меня до смерти напугала. Мы едва успели довезти тебя до больницы.

Он схватил Итоя за плечи — слишком близко, слишком свободно, слишком по-хозяйски. Итой застыл.

«Дашка».

Значит, это имя прежней хозяйки тела. Он медленно поднял взгляд на мужчину. Значит, этот человек принадлежал к её окружению. Брат? Возлюбленный? Друг? Пока не ясно.

— Кто ты? — резко спросил он.

Голос прозвучал хрипло, непривычно, но в глазах вспыхнула такая холодная твёрдость, что мужчина невольно замер.

— Даш... — тот растерянно моргнул. — Это я. Саша. Ты что, меня не узнаёшь?

Имя прокатилось внутри пустым звуком. Саша. Ничего. Ни образа, ни связи, ни памяти.

Но вот тело... тело отозвалось странно. Совсем едва заметно. Не мыслью, не чувством даже, а призрачным эхом узнавания. Это вызвало в Итоие вспышку раздражения.

Ему не понравилось, что чужая плоть смеет откликаться прежде него.

— Не трогай меня, — бросил он и резко отстранился.

Саша отступил, ошарашенно глядя на него. В его взгляде мелькнули боль, тревога и что-то ещё — внимательность.

Это Итою не понравилось ещё больше.

— Ладно, — после паузы тихо сказал мужчина. — Я дам тебе время. Врачи говорили, после шока всякое бывает. Но я рядом, если что-то понадобится.

Он вышел не сразу, будто надеялся, что Даша окликнет его, остановит, скажет что-то привычное. Но ничего не дождался и ушёл.

Итой проводил его мрачным взглядом.

«Значит, брат», — решил он. — «Или кто-то достаточно близкий, чтобы позволять себе подобные прикосновения и подобный тон».

Он вновь посмотрел на свои руки. Тонкие пальцы, светлая кожа, дрожь, которую невозможно было до конца унять.

Ненависть поднялась в груди новой волной.

— Аллимуа... — беззвучно произнёс он. — Ты хорошо надо мной посмеялась.

Он не успел додумать мысль до конца.

Дверь распахнулась снова — на этот раз почти с треском — и в палату ворвалась женщина средних лет. Её глаза были покрасневшими от слёз, в пальцах был зажат белый платок, а лицо искажено такой смесью ужаса, любви и облегчения, что Итой невольно напрягся.

— Дашенька! — вскрикнула она.

И прежде чем он успел отступить, женщина уже подлетела к нему и крепко обняла.

Итой замер.

Тело отреагировало раньше сознания. Неожиданное тепло. Запах духов, ткани, кожи. Прикосновение рук, в котором не было ни страсти, ни расчёта, ни власти — только страх за того, кого едва не потеряли.

Это было чуждо. Настолько чуждо, что на миг он просто не понял, что делать.

— Боже, ты жива... жива... — шептала женщина, глядя его по волосам. — Я так боялась... ты даже не представляешь, как я боялась...

Итой хотел оттолкнуть её. Немедленно. Жёстко. Чтобы прекратить это вторжение. Но в ту же секунду, против воли, перед внутренним взором мелькнул силуэт собственной матери. Старое, почти стёртое временем воспоминание.

От этого он разозлился ещё сильнее.

На женщину. На тело. На себя.

— Мне... хорошо, — выдавил он, стараясь высвободиться.

Голос вновь прозвучал мягко, и это резануло слух.

Женщина отстранилась, заглянула ему в лицо, и в её глазах опять блеснули слёзы.

— Хорошо? — почти с упрёком повторила она. — Ты чуть не погибла, Даша! Всё из-за своей беспечности. Зачем ты вообще поехала на это ралли? Зачем села за руль? Я места себе не находила!

«Ралли».

Новое слово. Неясное, но, судя по тону и сказанному, связанное с причиной, по которой прежняя хозяйка тела едва не рассталась с жизнью. Опасное увлечение? Состязание? Неважно. Пока достаточно и того, что это — полезная нить.

— Теперь ты должна быть паинькой, слышишь? — продолжила женщина. — Хватит с нас этих приключений.

Итой едва заметно прищурился.

«Паинькой».

Смысл слова он уловил без труда.

Послушной. Удобной. Покладистой.

Унизительно.

— Хорошо... мама, — с трудом выговорил он.

Слово легло на язык камнем. Саша, стоявший в дверях, кивнул, поддерживая женщину:

— Ты ведь понимаешь, что мама права, Даш?

Итой бросил на него короткий, холодный взгляд.

Эти люди уже пытались направлять его. Давить. Навязывать волю. Решать, каким ему быть и что делать. При иных обстоятельствах он поставил бы их на место одной фразой. Сейчас же приходилось терпеть и наблюдать.

— Я понимаю, — произнёс он ровно, позволив голосу стать чуть мягче, чем хотелось.

И почему-то именно это окончательно растрогало женщину.

— Ах, моя девочка... — всхлипнула она и снова потянулась к нему.

«Девочка». От этого слова внутри всё похолодело. Он выдержал и это. Молча.

Пока женщина сидела рядом, вытирая слёзы и вновь и вновь возвращаясь к пережитому ужасу, Итой делал вид, что слушает. На деле же его разум работал.

Ему нужно было как можно скорее понять, куда именно его забросило. Что за мир лежит за этими стенами. Какие силы им правят. Существует ли здесь магия хотя бы в искажённом виде. Кто владеет энергией, если она всё же есть. И главное — как выбраться из этого униженного положения прежде, чем время окончательно обернётся против него.

Пока картина была удручающе проста. Одни люди. Шумные. Навязчивые. Чрезмерно эмоциональные. Это не нравилось ему всё больше.

Когда женщина, наконец, ненадолго вышла, а Саша остался, Итой позволил лицу чуть утратить напряжённую неподвижность. Мужчина сел на край кровати и посмотрел на него с усталой теплотой.

— Ты нас правда напугала, Даш, — тихо сказал он. — Мама иногда перегибает, я знаю. Но она любит тебя.

Любит.

Слово прозвучало не вовремя. Слишком близко к тому, что уже однажды разорвало его изнутри в видении. На краткий миг в груди шевельнулось странное тепло. Не его. Словно само тело отозвалось раньше, чем разум успел поставить заслон.

Итой резко отвернулся.

— Даш, — ещё тише позвал Саша. — Что случилось во время аварии? Ты не хочешь поговорить? Ты даже ни разу не спросила о Прохорове...

Прохоров.

Имя ударило в сознание резко, почти болезненно. И в тот же миг тело среагировало. Где-то под рёбрами кольнуло коротким, почти животным страхом.

Итой замер.

Вот оно.

Первая настоящая реакция. Не его. Чужая.

Ему потребовалось усилие, чтобы не выдать этого.

— Мне нужно отдохнуть, — отрезал он.

Саша посмотрел внимательно. Слишком внимательно.

— Хорошо, — сказал он наконец и поднялся. — Отдыхай.

Когда дверь закрылась, Итой медленно выдохнул.

Прохоров.

Это имя явно что-то значило для прежней хозяйки тела. Что-то важное. И, судя по отклику, опасное.

Значит, он оказался здесь не случайно.

На следующий день стало только хуже.

Мать Даши не отходила от него почти ни на шаг: поправляла одеяло, предлагала воду, пыталась накормить, задавала бесконечные вопросы. Её тревога висела в воздухе, как назойливый запах, и мешала думать.

— Дашенька, ты точно ничего не хочешь? Может, воды? Или бульона? Или тебе холодно? Может, плед?

— Я в порядке, — холодно ответил Итой, даже не повернув головы.

Женщина замерла.

— Ты говоришь так странно... — осторожно произнесла она. — Совсем не как обычно.

Итой внутренне напрягся.

Он уже слишком сильно отличался от той, чьё место занял. Это было опасно. Если давить слишком открыто — его сочтут ненормальным. Если станет чересчур покорным — начнут ждать прежнего поведения. В любом случае за ним будут следить.

— Просто устала, — сказал он, заставив себя смягчить интонацию. — Можно мне немного побыть одной?

Женщина колебалась.

— Конечно... конечно. Отдыхай. Я буду рядом, в коридоре.

Когда она вышла, Итой почувствовал облегчение. Но ненадолго.

Он медленно поднялся, подошёл к двери и слегка приоткрыл её.

— Она ведёт себя странно, Саша, — донёсся до него приглушённый голос матери. — Эта холодность... этот взгляд... будто это не она.

— После аварии всякое бывает, — тихо ответил мужчина. — Но да. Я тоже заметил.

— Мне страшно.

Итой прикрыл дверь и несколько секунд стоял неподвижно. Значит, подозрения уже появились. Плохо. Очень плохо. Он вернулся на кровать как раз в тот момент, когда дверь вновь открылась и в палату вошёл Саша.

На этот раз он не улыбался.

— Прости, если мы тебя беспокоим, — сказал он, садясь рядом. — Мама просто переживает. Мы все переживаем.

Итой молча посмотрел на него.

Саша выдержал взгляд, но что-то в его лице всё же дрогнуло. Он явно пытался увидеть в нём прежнюю Дашу — и не находил.

— Мне просто нужно время, — нейтрально произнёс Итой.

— Хорошо, — после паузы сказал Саша. — Но завтра с тобой ещё раз поговорит врач. Он хочет проверить память. После аварии это важно.

Сказано было мягко. Слишком мягко. Но смысл прозвучал предельно ясно. Проверка. Вопросы. Возможность быть раскрытым. А как этот мир поступает с теми, кто оказался не на своём месте, он пока не знал.

Итой едва заметно склонил голову, скрывая выражение глаз.

— Я понял... а.

Саша поднялся и направился к двери. Уже на пороге он обернулся.

— И ещё, Даш... если ты правда ничего не помнишь, тебе всё равно придётся вспомнить, кто такой Прохоров. Потому что он спрашивал о тебе утром.

Дверь закрылась.

Итой остался один.

Несколько долгих мгновений он сидел неподвижно, ощущая, как внутри медленно поднимается холодная, собранная злость.

Значит, у него не просто чужое тело. У этого тела была своя жизнь. Свои связи. Свои страхи. И, судя по реакции, свои враги.

Он медленно перевёл взгляд на окно, за которым шумел незнакомый город. Этот мир всё ещё был ему чужд. Но теперь он знал главное: времени у него меньше, чем казалось, а ошибка может стоить слишком дорого.

ГЛАВА 3 ОЧНУЛАСЬ НЕ ТА.

НАШИ ДНИ. СЕУЛ

ВИКА

По спине снова пробежал холодок. Я машинально посмотрела на чемодан. Потом на Сеичи. Потом снова на чемодан.

И очень некстати подумала, что мой великий план по красивой независимости, похоже, собирается сдохнуть, даже толком не начавшись.

Как назло, в этот самый момент завибрировал телефон.

— Ну конечно, — пробормотала я. — Кому я ещё срочно понадобилась в такую минуту?..

На экране высветилось: **Мама**.

Я нахмурилась. Она редко звонила вот так поздно и без предупреждения. Обычно сперва писала что-нибудь вроде: «*Ты не спишь?*», а потом уже, не дожидаясь ответа, всё равно звонила.

— Мам? — сказала я, поднося телефон к уху. — Что случилось?

Но голос у неё был не испуганный.

Наоборот.

Слишком живой. Слишком взволнованный.

— Вика! Ты только представь... Даша очнулась!

Я замерла. Имя прозвучало знакомо, но не сразу легло на место.

— Какая Даша?

— Лидина! Ну Лиды, моей подруги! Господи, да та самая, после аварии! Четыре года... четыре года лежала — и сегодня пришла в себя! Ты понимаешь вообще?!

Я медленно села на край кровати. И только теперь в памяти шевельнулось что-то старое, давнее, почти выцветшее.

— Ничего себе... — выдохнула я. — Серьёзно?

— Абсолютно! Тут сейчас такой переполох, ты бы видела. Лида плачет, Саша сам не свой от счастья, врачи бегают, родственники звонят, дома проходной двор. Все на ушах стоят.

На заднем плане и правда слышались голоса, движение, чья-то торопливая речь, хлопнула дверь.

Обстановка была не тревожной.

Наоборот.

Слишком живой и счастливой. Слишком суетной.

— И как она? — спросила я уже тише.

Мама на секунду замолчала.

— Ну... очнулась. Говорит. Смотрит. Врачи вообще в восторге. Лида тоже. Все говорят — чудо.

Пауза.

— Но?

Я слишком хорошо знала этот мамин тон.

— Да не то чтобы “но”... — неохотно протянула она. — Просто всё это очень странно. Саша говорит, она как будто... другая. Не плохая. Не испуганная. Просто другая. Смотрит иначе. Говорит иначе. Мать родную сперва не узнала. Может, конечно, после такой комы это нормально, я не знаю. Но у всех ощущение, будто вернулся знакомый человек... и одновременно незнакомый.

Я медленно подняла взгляд.

Сеичи уже смотрел на меня.

И от этого взгляда у меня внутри всё неприятно подобралось.

— Лида просила, если сможешь, приехать, — продолжила мама. — Просто помочь. Поддержать. Ты же знаешь, я сама сейчас не вырвусь...

И вот тут меня накрыло.

Потому что, конечно, именно сейчас.

Именно когда я впервые за долгое время собралась сделать что-то только для себя. Именно когда всё начало более-менее складываться. Именно когда Каннам, новый проект, отдельная квартира и красивое ощущение, что я взрослая, самостоятельная и вообще молодец, были буквально у меня в руках.

Ну почему?

Почему все эти великие жизненные новости всегда происходят тогда, когда у тебя наконец появляются свои планы?

— Мам... — медленно сказала я. — А без меня совсем никак?

На том конце повисла короткая пауза.

И уже по этой паузе я поняла, что совесть сейчас вгрызётся мне в печень.

— Вика, ну формально, наверное, как-то можно, — осторожно сказала мама. — Но ты же понимаешь... Лида сейчас вообще не соображает. Саша держится, но там у него тоже всё через край. А Даша... сама не поймёт, что с ней. Я бы не просила, если бы могла сорваться сама.

Я прикрыла глаза.

Вот и всё.

Совесть уже вылезла, села напротив и смотрела на меня с лицом святой мученицы.

А я, между прочим, ничего такого ужасного не сказала. Я не отказалась. Я просто уточнила. Нормально же? У человека вообще-то жизнь. Работа. Обязательства. Чемодан. Каннам. В конце концов, красивая идея пожить отдельно и не чувствовать себя девочкой, которой всё принесли на блюдечке.

— Когда надо? — спросила я уже без прежнего напора.

— Чем скорее, тем лучше.

Ну конечно.

Не через неделю. Не «как освободишься». А чем скорее, тем лучше.

Я посмотрела на чемодан так, будто это он во всём виноват.

— Я подумаю, — сказала я.

И в ту же секунду поняла, как мерзко это прозвучало.

Потому что человек четыре года лежал в коме, очнулся, а я сижу и думаю, как бы поэлегантнее не испортить себе график.

— Вика, — мягко сказала мама, и вот это было хуже всего. Лучше бы давила. — Я понимаю, у тебя своя жизнь. Правда понимаю. Просто... если можешь, приезжай.

Всё. Контрольный в голову. Когда мама начинает говорить вот так спокойно, без упрёка, совесть не просто грызёт. Она начинает жрать живьём.

Я шумно выдохнула.

— Ладно. Хорошо. Приеду.

Мама выдохнула с таким облегчением, что мне стало совсем стыдно за свою секундную внутреннюю истерику.

— Спасибо, девочка. Я сейчас скину тебе адрес и всё, что знаю.

— Угу.

— И, Вика... там правда что-то странное.

— Я поняла, — уже тише сказала я. — Скинь всё.

Попрощавшись, я опустила телефон и несколько секунд просто сидела, уставившись в пол.

Потом очень честно подумала:

Вот ведь хас.

Не про маму. Не про Дашу. Не про Лиду.

Про ситуацию вообще.

Потому что да, я соглашусь. Уже согласилась. Но удовольствия это мне не добавляло ни на грамм. Только ощущение, что меня опять жизнь подловила на повороте и с мерзкой улыбочкой сказала: «А планы? Какие планы?»

— Ну? — спросила я наконец, поднимая взгляд на Сеичи. — Только не надо сейчас делать лицо в духе “я же говорил”.

Он подошёл ближе. Не быстро. Спокойно. Но это его спокойствие я уже научилась различать. Обычное спокойствие Сеичи — тёплое. С этим можно жить. А вот такое — ровное, почти ледяное — означало, что внутри у него уже всё решено.

— Я и не собирался, — сказал он.

— То есть?..

— Ты поедешь.

Я сощурилась.

— Вообще-то, да. Это я и без тебя уже решила. Практически героически. Через страдания и внутренние матюки.

— Верю.

— Не издевайся.

— Я не издеваюсь.

И вот это было особенно подозрительно.

Он остановился совсем близко, взял у меня телефон, мельком посмотрел на экран, где уже пришло сообщение от мамы, и вернул обратно.

— Ты не поедешь туда одна.

Я скрестила руки на груди.

— Сеичи...

— Нет.

Спокойно. Без нажима. Без повышения голоса.

И от этого почему-то сразу понятно: спорить можно. Выиграть — нет.

— Вообще-то у меня, может быть, есть право хотя бы изобразить самостоятельного взрослого человека, — пробормотала я.

— Есть, — так же ровно ответил он. — Изобразишь это в самолёте.

Я невольно фыркнула.

Вот засранец.

— Ты хоть иногда можешь не быть невыносимо логичным?

— Когда это безопасно — могу.

И всё.

Вот после таких фраз мне особенно хотелось чем-нибудь в него кинуть. Не сильно. Из любви, так сказать.

Я встала и отошла к чемодану, машинально поправила лежащий сверху свитер и только потом спросила:

— Ты думаешь, это связано с тем, что ты почувствовал?

Пауза вышла короткой. Слишком короткой.

— Да.

— И это... та самая “трещина”?

— Возможно.

— А если нет?

— Тогда ты просто наведишь близких. А я зря потрачу время и буду вынужден признать, что мир всё ещё способен иногда обходиться без неприятностей.

Я покосилась на него.

— О, смотри-ка, у нас даже почти шутка случилась.

Он ничего не ответил.

И именно это мне не понравилось сильнее всего.

— Ты сейчас специально говоришь так, будто это обычная поездка? — спросила я уже серьёзнее.

— А ты хочешь, чтобы я сказал иначе?

Я открыла рот.

И закрыла.

Потому что нет. Не хочу.

Если он сейчас скажет что-нибудь вроде: *«это опасно»*, *«что-то вошло в мир»*, *«мне это не нравится»* — я начну нервничать окончательно. А он, кажется, этого как раз и не хотел.

Вот же гад ползучий. Всё-то он понимает.

— Ладно, — пробурчала я. — Но я всё равно лечу не потому, что ты там что-то почувствовал, а потому что человек после четырёх лет комы очнулся, и если я не приеду, меня потом собственная совесть доест.

— Разумеется, — спокойно ответил он.

И почему мне кажется, что он надо мной сейчас внутренне издевается? Я снова посмотрела на чемодан. Каннам явно откладывался.

И, если уж совсем честно, меня это бесило.

Нет, не так. Бесило и царапало одновременно. Потому что одно дело — самой передумать. Другое — когда тебя снова выдёргивают из жизни, которую ты только-только начала складывать так, как хочется тебе.

— Только давай сразу договоримся, — сказала я, снова принимаясь перекладывать вещи. — Если окажется, что это всё просто кома, счастливые родственники и врачи, которые сами не верят в своё счастье, ты потом не будешь ходить с лицом “я же говорил”.

— Не буду.

— И смотреть вот так тоже не будешь.

— Как?

— Вот так, будто тебе заранее известно, насколько я сейчас ошибаюсь.

— Хорошо.

Я сощурилась.

— Ты мне слишком легко уступаешь. Это подозрительно.

На этот раз он всё-таки едва заметно улыбнулся.

— Просто в более важном ты всё равно уже уступила.

Я хотела возмутиться. Правда хотела. Но, если уж совсем честно, он был прав. Я уже решила ехать. А он уже решил ехать со мной.

И почему-то именно это, вместо раздражения, дало странное ощущение правильности происходящего. Очень нервной, очень неудобной, но правильности.

Сеичи тем временем взял со спинки кресла мой пиджак, аккуратно свернул и положил в чемодан.

Вот так. Без слов. Как будто мы собирались не в потенциально странную поездку на другой конец света, а просто в обычную дорогу.

Но я-то уже чувствовала: обычной она не будет. Потому что Сеичи в такие моменты становился слишком тихим. А слишком тихий Сеичи — это всегда дурной знак.

ГЛАВА 4: ЭЛЬФ НА ВЫДАНИЕ

Когда дверь за Сашей закрылась, Итой наконец позволил себе перестать играть и медленно откинулся на подушки и прикрыл глаза. Головокружение ещё не до конца отпустило, в висках время от времени неприятно стучало, а тело отвечало тупой слабостью на каждое движение. Но теперь это раздражало уже меньше.

Наконец-то можно было подумать. Палата была залита ровным белым светом. Чистые стены, металлические детали, гладкие поверхности, странные устройства, назначение которых он пока не понимал, — всё здесь подчинялось холодной, бездушной функциональности. Ни следа магии, даже целебных рун не наблюдалось. Ни мягкого эха артефактов, облегчающих боль.

Его взгляд упал на предмет, лежавший на прикроватной тумбочке. Тонкий, тёмный, с гладкой стеклянной поверхностью. Именно его Саша называл телефоном. Итой взял его в руку, и предмет тут же ожил — экран осветился от прикосновения.

Эльф замер.

На краткий миг ощущение показалось почти знакомым. Словно он держал в ладони уродливый артефакт, созданный существами, никогда не владевшими настоящей силой, но с завидным упрямством пытавшимися её заменить. Он прислушался — и не уловил ничего. Ни потока. Ни искры. Ни дыхания маны.

Пусто.

На экране появились слова.

Мама: Как ты, Дашенька? Надеюсь, ты ешь, что я принесла!

Итой нахмурился.

Значит, этот предмет не просто отвечал на прикосновения. Он хранил слова. Передавал их на расстоянии. Связывал людей друг с другом без магии, словно в нём был заключён жалкий, но рабочий аналог связующего артефакта.

Любопытно.

Он осторожно провёл пальцем по стеклу, и изображение на экране сменилось. Ещё одно движение — и перед ним открылся ряд символов, изображений и строк. Слишком много сведений для случайной вещи. Слишком много пользы для столь малого предмета.

— Значит, вот как вы храните знания... — едва слышно произнёс он.

Отвращение никуда не делось, но теперь в нём явственно примешивалось другое. Интерес.

Эти люди не владели магией — или, во всяком случае, не владели ею так, как он понимал это слово. И всё же они сумели создать замену. Грубую. Лишённую изящества. Почти варварскую. Но рабочую.

Без маны. Без благословения богов. Без понимания самой природы силы.

И всё же — рабочую.

Эта мысль одновременно раздражала и цепляла. Если их артефакты не питаются маной, значит, в основе лежит иной вид энергии. И если он разберётся в её природе, поймёт принципы, на которых строится этот мир, то сумеет подчинить себе и это.

Итой опустил телефон на одеяло и уставился в потолок. Мысли быстро начали выстраиваться в чёткий порядок.

Первое — наблюдать. Мать и брат.

Эти двое были его первым источником сведений и первой угрозой одновременно. Женщина слишком привязана, слишком суетлива, слишком охотно растворяется в собственных чувствах. Таких успокаивать проще всего: достаточно дать им то, чего они жаждут сильнее разума, — надежду. Иллюзию возвращения дочери. Немного покорности, чуть больше усталости во взгляде, несколько правильных слов — и она сама принесёт всё, что ему нужно, уверенная, будто помогает.

С братом всё сложнее.

Саша казался мягким лишь на первый взгляд. В нём не чувствовалось ни воли воина, ни той опасной жёсткости, к которой Итой привык при дворе и на поле боя. Но имелось иное — внимательность. Такие не бросаются вперёд с открытыми клыками. Они смотрят. Сопоставляют. Запоминают. А потому нередко опаснее тех, кто привык шуметь и угрожать в лицо.

Он уже это заметил.

Саша смотрел не просто как брат. Он пытался понять.

Значит, действовать придётся тоньше.

Не отталкивать слишком резко. Не позволять презрению слишком явно проступить сквозь маску. Не ломать образ Даши больше, чем это можно списать на травму, страх и провалы памяти. Давать ровно столько тепла, сколько требуется, чтобы усыпить настороженность. Пусть сами объясняют его холодность последствиями аварии. Пусть сами ищут оправдания. Так даже удобнее.

Пусть думают, что он сломан.

Сломанных жалеют. А тех, кого жалеют, редко считают опасными.

Второе — их технологии.

Телефон.

Маленький артефакт, внутри которого, судя по всему, заключена целая часть этого мира. Связь. Сообщения. Образы. Возможно — знания. Возможно — даже память самой Даши. Если научиться пользоваться им свободно, можно узнать куда больше, чем через расспросы. Значит, придётся попросить помощи. Позже. Так, чтобы это выглядело естественно.

Третье — магия.

При одной только этой мысли Итой медленно сел на кровати, не обращая внимания на тупую тяжесть в теле.

Пока он не чувствовал здесь ничего. Ни знакомых потоков, ни дрожи силы в воздухе, ни следов древних чар, ни присутствия иных рас. Только люди. Только их тесный, шумный, ограниченный мир. Но поверить, что магия исчезла бесследно, он не мог. В мирах такого не бывает. Сила может исказиться. Может угаснуть. Может скрыться под толщей времени, страха или невежества. Но исчезнуть совсем — нет.

Значит, искать нужно там, где слабые прячут непонятое.

В легендах, суевериях или слухах. В рассказах о чудесах, которых, по мнению разумных, «не существует».

Даже в Элтаэ многие превращали магию в мистику просто потому, что не были способны понять её природу. Здесь, вероятно, происходило то же самое. Если сила когда-либо касалась этого мира, она непременно оставила после себя след — пусть и искажённый.

И, наконец, главное.

Она. Женщина из видения. Голубые глаза. Кровь на губах. Шёпот, который перевернул в нём всё.

— Люблю...

Это слово до сих пор отзывалось внутри чем-то болезненным, почти враждебным и вместе с тем неотвратимым. Всю жизнь он считал подобные чувства слабостью. Презирал тех, кто позволял сердцу лезть туда, где должен править разум. Считал это роскошью глупцов, слишком жалких, чтобы подчинить себя собственной воле.

А теперь сам оказался привязан к одному-единственному образу так крепко, словно в нём сосредоточилась вся ось его новой судьбы.

Это бесило. Раздражало до ярости. И не оставляло выбора.

— Ты здесь, — тихо произнёс он в пустоту. — И я найду тебя.

Пальцы сами собой сжались в кулак.

Стук в дверь заставил его мгновенно сменить выражение лица.

Когда мать вошла в палату с подносом, Итой уже сидел прямо — внешне спокойный, чуть утомлённый, с тем самым выражением лица, которое люди охотно принимали за последствия пережитого. Взгляд он опустил вовремя, скрыв холодную собранность.

— Дашенька, я принесла твой любимый завтрак. Омлет с зеленью, тосты с джемом... тебе нужно набираться сил.

Запах еды ударил в нос резко. Непривычный. Слишком тяжёлый, слишком плотный, слишком человеческий.

Но Итой лишь слабо кивнул и взял вилку.

— Спасибо, мама.

Женщина улыбнулась с такой надеждой, что на миг стала почти жалкой в своей уязвимости.

— Ты выглядишь лучше, милая. Я так переживала... Ты была в коме четыре года. Доктора не знали, очнёшься ли ты вообще.

Кома.

Значит, тело пролежало неподвижно четыре года. Полезная деталь.

— Мне уже лучше, — ответил он спокойно, делая вид, будто сосредоточен на еде.

— Как я могу не беспокоиться? — голос женщины дрогнул. — Ты наша радость, Даша. А теперь смотришь так... будто не на нас. Будто тебя и нет рядом.

Слишком прямое замечание.

Итой внутренне напрягся, но внешне лишь медленно поднял взгляд.

Вот оно. Подозрение ещё не обрело форму, но уже дышало совсем близко.

— Я не всё помню, мама, — тихо произнёс он, позволив голосу чуть дрогнуть. — Всё кажется каким-то... чужим. Мне просто нужно время.

Женщина тут же смягчилась. Потянулась к нему и накрыла его руку своей.

Тепло. Мягкость. Это липкое человеческое участие. Ему пришлось приложить усилие, чтобы не отдернуть руку сразу.

— Конечно, милая. Конечно. Мы подождём, сколько нужно. Главное — говори с нами. Не замыкайся в себе.

«Да, будете», — подумал он. — «И сами принесёте мне всё, что нужно».

Чуть позже пришёл Саша.

Сел у окна. Не слишком близко, не слишком далеко. Будто нарочно показывал: не давлю, но наблюдаю.

Умно.

— Как ты сегодня? — спросил он.

— Лучше, — ответил Итой.

Саша кивнул, но взгляда не отвёл.

— Это хорошо. Только... ты всё равно говоришь как-то иначе.

Итой медленно поднял глаза.

Саша выдержал его взгляд, хотя на миг в лице мужчины мелькнуло напряжение.

— Будто мы тебе чужие, — продолжил он. — Я понимаю, авария, стресс и всё такое. Но ты раньше даже когда злилась, всё равно была... другой.

«Опасный», — холодно отметил Итой.

Не силой.

Наблюдательностью.

— Прости, — сказал он, опуская взгляд. — Мне самой страшно. Иногда кажется, будто всё это происходит не со мной.

Хорошая ложь почти всегда содержит примесь правды.

Саша, кажется, поверил. Или захотел поверить.

— Врач сегодня тебя ещё раз посмотрит, — наконец сказал он. — И, Даш... если что-то вспомнишь об аварии, лучше сказать сразу.

Прохорова он не упомянул. Но Итой и без того помнил, как тело отозвалось на это имя.

Чужой страх, спрятанный где-то глубоко под кожей.

Это раздражало сильнее, чем ему хотелось признавать.

Врач пришёл ближе к полудню.

Высокий мужчина с аккуратной бородкой, ровным голосом и спокойным взглядом. Он смотрел на Итоя не так, как семья. Без привязанности. Без лишних эмоций. С оценкой. С привычкой замечать отклонения.

Это было неприятно.

— Ну что ж, Даша, — начал он, просматривая данные на планшете, — анализы хорошие. Восстановление идёт удивительно быстро. Для такой серьёзной аварии — даже слишком быстро.

Итой коротко кивнул.

— Через пару недель сможешь вернуться к обычной жизни. Но пока никаких перегрузок, никакого стресса и больше отдыха. Память не подводит?

Вот он.

Настоящий вопрос.

Итой выдержал паузу ровно настолько, чтобы не показаться ни слишком быстрым, ни слишком медленным.

— Подводит. Не всё вспоминается сразу. Лица... мелочи... какие-то слова. Всё будто стоит не на своих местах.

Врач посмотрел внимательнее. Слишком внимательно.

— После такой травмы это возможно, — спокойно ответил он. — Но если чувство отчуждения усилится, если начнутся перепады настроения, бессонница, тревога или резкие изменения в поведении — сразу обращайся.

Сказано было нейтрально. Слишком нейтрально.

Итой уловил, как Саша, стоявший у двери, едва заметно напрягся.

Значит, тему уже обсуждали. Без него.

— Разумеется, — ровно ответил Итой.

Врач протянул лист с рекомендациями, но у двери всё же остановился и добавил:

— Через несколько дней я бы хотел ещё раз проверить память и когнитивные реакции. На всякий случай.

Когда дверь закрылась, лицо Итоя осталось неподвижным. Только внутри всё неприятно сжалось. Значит, он где-то промахнулся. Или, что вероятнее, людишки оказались не так слепы, как ему бы хотелось.

Нелегко притворяться женщиной, не имея ни малейшего желания ею быть.

ГЛАВА 5. КОГДА ТЫ ГОСТЬ

Когда Итоя, наконец, выписали, он не испытал ни облегчения, ни радости, которых, очевидно, ждали от него окружающие. Напротив. Покидая стены больницы, он впервые по-настоящему ощутил, насколько глубоко увяз в чужом мире.

Едва переступив порог здания, он невольно замер.

Свет ударил в глаза резко и беспощадно. Воздух снаружи оказался совсем другим — не пропитанным лекарствами и мёртвой чистотой, а тяжёлым, насыщенным пылью, выхлопами, сыростью нагретого асфальта и сотнями иных запахов, слишком грубых, слишком плотных, слишком человеческих. Всё вокруг шумело. Гудели машины, хлопали двери, кто-то смеялся, кто-то говорил слишком громко, кто-то торопливо проходил мимо, даже не замечая ничего вокруг.

Мир был в движении. Беспорядочном. Резком. Почти агрессивном.

Итой медленно сузил глаза, привыкая к свету. Высокие дома поднимались вверх прямыми, безликими громадами. Ни следа той красоты, к которой привык его взгляд. Ни выверенного изящества живой архитектуры, ни дыхания древнего камня, ни магической гармонии, в которой каждая форма была продолжением силы. Здесь всё строилось ради пользы. Ради скорости. Ради выживания.

Какой ограниченный мир.

— Даш? — осторожно позвал Саша, подходя ближе. — Всё в порядке?

Итой заставил себя отвести взгляд от потока машин и чуть прикрыть глаза ладонью, изображая усталость.

— Свет слишком яркий, — произнёс он. — После больницы всё кажется... навязчивым.

Это объяснение удовлетворило Сашу лишь отчасти. Мужчина кивнул, но сомнение с его лица не исчезло. Он не стал спорить, не начал расспрашивать, однако продолжал наблюдать.

Слишком внимательно.

— Пойдём, — мягко сказал он. — Машина рядом.

Машина.

Ещё одно слово нового мира, за которым скрывалась сущность, пока не до конца ему понятная.

Итой пошёл следом, стараясь двигаться осторожнее. Это тело всё ещё подводило. Слабость пряталась в ногах, в спине, в неприятной лёгкости рук, в непривычной хрупкости. Даже походка требовала контроля. Он чувствовал, что тело Даши движется иначе, чем привыкло двигаться его собственное. Мягче. Уже. Осторожнее. И это раздражало.

Машина стояла у тротуара — блестящая, тёмная, с гладкими изгибами, напоминавшими скорее металлического жука, чем достойное средство передвижения. Ни рун. Ни впряжённых существ. Ни малейшего следа живой силы. И всё же этот мир каким-то образом заставлял свои бездушные повозки двигаться.

Саша открыл дверцу и выжидающе посмотрел на него.

Итой на миг замешкался.

Всего на миг.

Но и этого оказалось достаточно.

— Даш? — уже тише спросил Саша. — Ты чего?

— Ничего, — ровно ответил Итой и сел внутрь, внимательно повторив то, как действовал “брат”.

Салон встретил его замкнутым пространством, запахом ткани, пластика и чего-то резкого, химического. Перед ним была панель с множеством непонятных знаков и приборов, руль, зеркала, стекло, отделяющее их от внешнего мира. Всё это выглядело сложным, но не хаотичным. Напротив — устройство явно подчинялось системе.

А систему можно понять.

— Что заставляет её двигаться? — спросил он, разглядывая панель с неприкрытым интересом.

Саша повернул к нему голову и несколько долгих секунд просто смотрел.

— Машину? — уточнил он.

— М-м, — безразлично отозвался Итой, будто вопрос не имел особой важности.

— Двигатель. Бензин. Ты же знаешь, — ответил Саша, но в голосе уже слышалось напряжение. — Даш, ты меня начинаешь пугать.

Итой лениво повернул к нему голову.

— Какая чувствительная натура, — произнёс он почти ровно, а затем, будто спохватившись, чуть смягчил тон: — У меня в голове до сих пор каша. Иногда хочется переспросить даже очевидное. Смирись.

Саша не ответил сразу. Только завёл машину и бросил на него ещё один быстрый взгляд.

Итой это заметил.

Плохо.

Слишком много промахов для первых дней. Слишком много мелочей, которые приходилось прикрывать на ходу. Но теперь, по крайней мере, он видел одно: этот мир пусть и был убог в своей безмагической прямолинейности, однако устроен не хаотично. А значит — поддаётся изучению.

И, рано или поздно, подчинению.

Итой отвлёл взгляд к окну.

«Пугать?»
Если бы ты знал, насколько ничтожно то, что тебе позволено сейчас понимать.

— После аварии у меня всё как в тумане, — тихо произнёс он. — Иногда приходится переспросить даже очевидное.

Ложь вышла удачной. Простой, правдоподобной и достаточно жалкой, чтобы смертный сам ухватился за неё как за удобное объяснение.

Саша шумно выдохнул и завёл машину. Та отозвалась низким урчанием — почти звериным, но при этом совершенно пустым, лишённым жизни. Итой чуть прищурился.

Значит, не магия. Не живое существо. Не артефакт в привычном смысле. И всё же какая-то сила внутри этой конструкции была. Иной природы, грубая, но вполне действенная.

По мере того как машина тронулась с места, Итой приник взглядом к окну.

Город тянулся мимо серыми улицами, перекрёстками, стеклянными витринами, рекламными щитами, потоками людей. Здесь всё спешило. Всё двигалось в одном лихорадочном ритме, словно каждый обитатель этого мира жил с ощущением постоянного опоздания. Они почти не смотрели друг на друга. Не чувствовали пространства. Не замечали неба. Их лица были сосредоточенными, утомлёнными, равнодушными. Каждый будто существовал в собственном тесном коконе из тревог, расчётов и мелких желаний.

Как странно.

В мире, лишённом магии, существа словно ещё сильнее замкнулись в себе.

Он вглядывался в прохожих, в их одежду, движения, жесты, лица. Ни одной иной расы. Ни намёка на драконов, змайсов, гоблинов, эльфов. Только люди. Только бесконечное однообразие.

Неужели магия действительно ушла из этого мира вместе с многообразием жизни?

Или скрылась так глубоко, что даже он пока не способен её уловить?

Эта мысль неприятно кольнула.

Саша, не отрывая взгляда от дороги, вдруг усмехнулся:

— Ты так смотришь в окно, будто видишь всё это впервые.

Итой чуть повернул голову.

Фраза была сказана легко. Почти шутливо.

Почти.

Но под ней чувствовалась проверка.

— Просто слишком много всего сразу, — спокойно ответил он. — После больницы всё воспринимается острее.

— Да, — отозвался Саша. — Но это наш мир. И он не такой плохой, если к нему привыкнуть.

Итой едва заметно усмехнулся.

«Наш».

Как быстро люди присваивают себе то, что лишь ненадолго переживают.

Красивым этот мир он бы точно не назвал. Полезным — возможно. Эффективным — местами. Но красивым? Нет. Для этого в нём было слишком мало тишины, слишком мало величия и слишком мало силы.

Дорога заняла не так много времени, но Итоюхватило и этого, чтобы ощутить истинный масштаб своего положения. Он попал не просто в чужое тело. Он провалился в целую систему, где каждый звук, каждый предмет, каждое слово имели иной смысл. И пока эта система была сильнее его хотя бы потому, что он её не понимал.

Когда машина остановилась у дома, Итой впервые испытал не раздражение, а нечто ближе к настороженности.

Дом был двухэтажным, светлым, с небольшим участком земли перед входом. Сам по себе он казался вполне обыкновенным для этого мира, но именно это и вызывало напряжение. Здесь, в отличие от больницы, всё было слишком личным. Слишком пропитанным присутствием Даши. Здесь ему предстояло не просто находиться — здесь придётся жить её жизнью.

Саша вышел первым, обошёл машину и открыл ему дверцу.

— Добро пожаловать домой, — сказал он, и в этих простых словах было столько осторожной надежды, что Итою на миг захотелось рассмеяться.

Домой.

Какое нелепое слово.

Он вышел из машины и поднял взгляд на окна.

За ними его уже ждала чужая жизнь.

Стоило переступить порог, как на него обрушился новый вал ощущений.

Запах выпечки. Тёплый воздух. Ткань, дерево, бытовые мелочи, фотографии на стенах, мягкий свет ламп, вязанные покрывала, обувь у двери, какие-то баночки, рамки, сувениры. Всё здесь дышало привычкой. Памятью. Дом был не просто местом — он был слепком чужой жизни.

И это давило сильнее, чем больничная стерильность.

— Дашенька! — мать тут же появилась в прихожей и всплеснула руками. — Ну вот, наконец-то дома...

Она шагнула к нему слишком быстро, явно собираясь обнять, и Итой уже почти привычно приготовился терпеть очередное человеческое вторжение. Но на этот раз женщина остановилась на полпути — будто сама боялась спугнуть что-то хрупкое — и лишь осторожно коснулась его плеча.

— Пойдём, я всё приготовила, — сказала она с дрогнувшей улыбкой.

«Разумно», — отметил Итой.

Значит, после больницы она тоже стала осторожнее. Начала бояться не только потерять дочь, но и оттолкнуть её.

Полезное изменение.

За столом уже было накрыто.

Суп, хлеб, второе блюдо, салат, чай, сладости. Слишком много. Слишком старательно. Слишком очевидная попытка вернуть привычный порядок вещей, будто ужин способен склеить то, что уже дало трещину.

Итой сел молча, стараясь не выдать неприязни. Пока мать суежилась, а Саша занимал место напротив, он внимательно осматривал кухню, расположение предметов, повадки семьи, выражения их лиц.

Они оба наблюдали.

Мать — с тревогой и надеждой.

Саша — с настороженностью.

Вот кто действительно представлял опасность.

— Ешь, пока не остыло, — мягко сказала мать, ставя перед ним тарелку. — Я приготовила твой любимый суп.

Любимый.

Опять это слово.

Кажется, вся жизнь Даши состояла из привычек, которые теперь должны были стать его ловушкой.

Он взял ложку. Затем вилку. И в этот самый момент допустил ошибку. Небольшую. Почти незаметную. Но достаточную.

Он взял вилку слишком не так — не так, как это сделала бы женщина, державшая её с детства, а как существо, впервые столкнувшееся с чужим инструментом и решившее подчинить его усилием воли.

Мать заметила первой.

— Дашенька... — осторожно произнесла она. — Ты что?

Итой поднял на неё взгляд.

— Что?

— Ты... странно держишь вилку, — растерянно сказала женщина. — Как будто забыла.

На долю секунды в кухне повисла тишина. Саша не вмешался. Только посмотрел. Очень внимательно. Итой внутренне выругался, но внешне лишь медленно опустил взгляд на руку, будто сам только сейчас это заметил.

— Возможно, — тихо ответил он. — После больницы многое ощущается... чужим.

Слово было выбрано намеренно.

Чужим.

Мать тут же смягчилась, но Саша — нет. Он отвёл взгляд, однако Итой успел уловить главное: мужчина запомнил этот момент.

Пришлось поправить хватку и продолжить есть осторожнее.

Вкус супа был терпимым, хотя и слишком плотным. Здешняя пища вообще казалась ему чрезмерной — слишком жирной, слишком насыщенной, слишком грубой. Она не ласкала вкус, а наваливалась на него. Даже в простом бульоне ощущалась тяжесть, от которой эльфийская натура невольно протестовала.

Но он ел.

Потому что не есть было бы подозрительно.

После первого блюда мать поставила перед ним десерт.

Нечто дрожащее, сладкое, с липким карамельным слоем, от одного вида которого у Итой возникло недоверие.

— Твой любимый пудинг, — с улыбкой сказала женщина. — Помнишь, как ты всегда просила добавки?

Ещё один крючок чужой личности.

Итой взял ложку с осторожностью, почти как оружие. Попробовал. Сладость ударила по рецепторам резко и бесцеремонно. Вкус оказался вязким, приторным, чрезмерным до неприличия.

Пришлось приложить усилие, чтобы не скривиться.

— Очень вкусно, — солгал он.

Мать сразу просияла.

А вот Саша, наоборот, чуть нахмурился.

— Странно, — заметил он. — Ты раньше ела его так, будто это лучшее, что существует в мире.

Итой поднял на него спокойный взгляд.

— Возможно, вкус изменился после аварии, — ответил он, позволив голосу звучать чуть более устало, чем обычно. — Такое ведь бывает?

Мать поспешно закивала.

— Да-да, конечно, бывает. Доктор же говорил, что после травмы многое может измениться.

Вот и хорошо.

Пусть сама ищет оправдания и трещины в его маске. После ужина мать принялась убирать со стола, а Саша, будто невзначай, предложил:

— Пройдёмся немного? Тебе полезно подышать воздухом.

Итой хотел отказаться. Он устал. Не телом даже — от необходимости следить за каждым словом, каждым движением, каждым взглядом. Но отказ тоже мог вызвать вопросы.

— Хорошо, — коротко произнёс он.

Они вышли во двор.

Ночь уже вступала в свои права. Воздух стал прохладнее, мягче. В темноте этот мир выглядел чуть менее отвратительно. Суэта отступила, звуки приглушились, и хотя небо по-прежнему казалось ему блеклым и бедным по сравнению с тем, к которому он привык на Элтаэ, в ночной тишине было хотя бы подобие порядка.

Саша сунул руки в карманы куртки и повёл его к дереву в углу двора.

— Видишь? — сказал он, указывая наверх. — Кормушка всё ещё висит. Ты тогда так возилась с ней, будто строила дворец для птиц.

Кормушка.

Ещё один осколок чужой жизни.

Итой поднял взгляд. На ветке действительно висела простая, выкрашенная вручную деревянная конструкция. Ничего особенного. Но, судя по голосу Саши, для Даши это было важно.

— Приятно, что она всё ещё здесь, — ровно ответил он.

Саша посмотрел на него искоса.

— Ты совсем не помнишь, да?

Опять проверка.

— Обрывками, — сказал Итой. — Скорее ощущения, чем что-то определённое.

Саша кивнул, но не выглядел убеждённым. Несколько секунд они шли молча.

Потом он всё же заговорил:

— Знаешь, после аварий люди меняются. Я понимаю. Правда. И если ты чего-то не помнишь — это тоже можно понять.

Итой насторожился. Так говорят перед ударом.

— Но? — тихо спросил он.

Саша остановился. Повернулся к нему лицом. Во дворе было темно, но света из окна хватало, чтобы увидеть выражение его глаз. Там были боль, растерянность и нарастающий страх.

— Но иногда, — сказал он так же тихо, — Когда ты смотришь на меня... мне кажется, будто ты вообще не моя сестра.

ГЛАВА 6 ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ...

Мир не дрогнул, не покачнулся и не остановился. Но что-то внутри Итоя на миг застыло ледяным шипом. Неприятно. Случилось раньше, чем он рассчитывал. Саша не был глупцом. И видел слишком много. Итой медленно перевёл на него взгляд.

В такие мгновения особенно важно не торопиться. Не спорить и не защищаться слишком резко.

— Возможно, мне и самой иногда так кажется, — произнёс он после короткой паузы.

Это был рискованный ответ. Но правда, смешанная с ложью, почти всегда звучит убедительнее всего. Саша едва заметно вздрогнул. Он явно ожидал чего угодно — обиды, раздражения, оправданий, — но не этого.

— Я не это имел в виду, — быстро сказал он.

— Знаю, — ровно ответил Итой. — Но я действительно чувствую себя странно. Будто всё вокруг знакомо... и одновременно нет. Мне нелегко, Саша.

Мужчина смотрел на него ещё несколько долгих секунд. Потом медленно выдохнул.

— Ладно, — сказал он. — Прости. Я не должен был так говорить.

Должен был. И очень правильно сделал. Теперь Итой знал наверняка: времени на ошибки больше нет.

На обратном пути к дому он почти не слушал, что говорил Саша. Всё внимание было направлено внутрь. Он прокололся уже дважды. На вилке. На взгляде. А значит, дальше будет только сложнее.

Дом, семья, привычки Даши, её вкусы, её прошлое, её отношения — всё это было не фоном, а сетью. Слишком плотной, слишком живой, чтобы пройти через неё бесследно.

И самое неприятное заключалось в другом. Тело Даши не было пустым. Оно отзывалось. На слова. На имена. На страх.

Значит, внутри этой плоти ещё оставались следы прежней хозяйки. И если он не научится управлять этим, однажды тело выдаст его раньше, чем он успеет открыть рот.

Когда он поднялся в свою комнату — комнату Даши — и закрыл за собой дверь, то не сразу подошёл к кровати. Некоторое время просто стоял среди чужих вещей, обводя взглядом полки, стол, книги, одежду, фотографии, мелочи, в которых жила чья-то прежняя, слишком человеческая жизнь.

Ему предстояло не просто выжить здесь. Ему предстояло завоевать право быть в этом теле хозяином. И где-то в глубине, под раздражением, холодом и привычным презрением, шевельнулось чувство куда более неприятное.

Неуверенность. Совсем слабая. Почти неощутимая. Но уже настоящая. Итой медленно подошёл к зеркалу и остановился напротив отражения. На него снова смотрело чужое лицо. Светлые волосы. Тонкие черты. Женская мягкость, которой он всё ещё не желал признавать.

Он долго смотрел на себя. Потом тихо, почти беззвучно произнёс:

— Я всё равно сломаю этот мир под себя.

Но впервые за всё время слова прозвучали не как уверенность.

А как обещание, которое ещё только предстояло сдержать.

ВИКА

После долгого перелёта я была готова признать несколько вещей.

Первое: самолёты — это, конечно, чудо человеческой инженерии, но спать в них нормально могут только люди без позвоночника, младенцы и, возможно, Сеичи.

Второе: мой прекрасный план выглядеть свежей, собранной и загадочно-стильной умер где-то между пересадкой и попыткой найти нормальный кофе.

Третье: Сеичи всё равно выглядел так, будто не летел через половину мира, а просто вышел из красивой рекламы дорогих часов.

Ненавижу таких людей. Особенно когда люблю.

— Не смотри на меня так, — буркнула я, таща за собой чемодан.

— Как?

— Будто я сейчас сама должна понять, что мне надо поспать, поесть и перестать ненавидеть человечество.

— Ты уже поняла.

— Вот именно. Не мешай мне красиво отрицать очевидное.

Он не улыбнулся, но в глазах мелькнуло что-то тёплое. И от этого, как назло, раздражаться стало сложнее.

Аэропорт встретил нас привычным хаосом. Люди с чемоданами, таблички, голоса, объявления, запах кофе, духов, усталости и чужих маршрутов. Всё это было до странного обычным. Настолько обычным, что на мгновение я даже почти убедила себя: ну вот, прилетели,

сейчас нас встретят, поедem, обнимемcя, поплачем, порадуемcя, посмотрим на Дашу, и всё окажется обычным человеческим чудом.

Почти.

Потому что рядом шёл Сеичи. А Сеичи вёл себя слишком тихо. Не напряжённо или тревожно. Просто... так, будто прислушивался к чему-то, чего остальные не слышали.

— Ну? — не выдержала я, когда мы вышли в зал встречающих. — У тебя опять лицо древнего предзнаменования.

— У меня обычное лицо.

— Нет. Обычное лицо у тебя, когда ты делаешь вид, что не съел мой последний йогурт.

— Я не ел твой последний йогурт.

— Ага. Он сам просветлел и покинул холодильник.

— Возможно.

— Сеичи.

— Я смотрю.

— Я вижу, что ты смотришь. Я спрашиваю, что ты видишь?

Он чуть замедлил шаг.

— Пока ничего определённого.

Вот как человек должен реагировать на такую фразу? Правильно. Никак. Потому что если начать реагировать на каждую его загадочную недосказанность, можно быстро уехать крышей в закат.

Я уже открыла рот, чтобы сказать ему что-нибудь очень умное, но в этот момент услышала своё имя.

— Вика!

Я повернулась. У выхода стоял высокий мужчина с табличкой, которую явно держал только потому, что мама настояла. На табличке крупно, почти торжественно было написано: **ВИКТОРИЯ**.

Ну спасибо, мам. А то я без официального объявления в аэропорту себя не узнаю.

Мужчина махнул рукой и быстро пошёл к нам. Я узнала его не сразу. Последний раз видела Сашу много лет назад — ещё до всей этой истории с Дашей, до аварии, до комы, до

моего личного путешествия туда, где нормальные люди не оказываются. В памяти он оставался каким-то более молодым, шумным и простым.

Сейчас передо мной был уставший, но светящийся человек.

Вот именно светящийся.

Не мистически. Не по-сеичевски. А по-человечески. Так выглядят те, кому вернули надежду, и они ещё не успели понять, куда теперь с ней идти.

— Вика, здравствуй! — он обнял меня быстро, чуть неловко, будто не был уверен, можно ли, и тут же отступил. — Спасибо, что прилетела. Правда. Мама твоя сказала, ты почти сразу согласилась.

Я мысленно кашлянула.

Почти сразу, ага.

Если не считать пяти стадий внутреннего торга, трагедии по Каннаму и одной маленькой битвы с совестью.

— Да ну что ты, — сказала я вслух, изображая человека благородного и бескорыстного. — Конечно, прилетела. Как Даша?

При имени сестры лицо Саши изменилось. Стало мягче. Осторожнее. Радость никуда не ушла, но под ней проступило что-то более сложное.

— Лучше, — сказал он. — Намного лучше, чем мы вообще могли надеяться. Врачи до сих пор не понимают, как так получилось. Говорят, восстановление идёт... ну, слишком быстро.

Я невольно скосила взгляд на Сеичи. Он молчал. Конечно.

Очень полезный мужчина. Особенно когда хочется, чтобы кто-то сказал: *«Да, Вика, это подозрительно»* или *«Нет, Вика, ты накручиваешь себя»*. Но нет. Сеичи предпочитал режим красивой статуи с функцией надвигающейся беды.

— А она знает, что я приезжаю? — спросила я, возвращая внимание к Саше.

Тот вдруг улыбнулся. Почти мальчишески.

— Нет. Мы решили сделать сюрприз.

Я моргнула.

— Сюрприз?

— Ну да. Мама сказала, Даша раньше всегда радовалась тебе. Ты же у нас почти семейная легенда после тех ваших летних каникул.

Я медленно повернула голову к Сеичи. Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Очень выразительно.

Потому что, простите, но если человек очнулся после четырёх лет комы, ведёт себя «как будто другая», не узнаёт близких с первого раза, а мы такие: *сюрприиз, вот тебе ещё одна фигура из прошлого, вспоминай давай бодрее* — это как минимум смело.

Как максимум — глупо.

— Саш, — осторожно сказала я, — а вы уверены, что сюрприз — хорошая идея?

Он слегка смутился.

— Мы думали... ну, ей будет приятно. Может, поможет что-то вспомнить. Она многое узнаёт обрывками. Иногда реагирует на вещи, на имена. Иногда нет. Врачи говорят, память может возвращаться странно.

— Странно — это сейчас ключевое слово, да? — пробормотала я.

— Что?

— Ничего. Это я после перелёта становлюсь философом.

Саша нервно усмехнулся, потом будто только сейчас вспомнил о Сеичи и перевёл взгляд на него.

— Простите, я совсем... Вы, наверное, Сеичи?

— Да, — спокойно ответил тот.

Они пожали руки.

И вот тут я увидела, как Саша на долю секунды замер.

Не сильно. Не драматично. Просто рукопожатие длилось на миг дольше обычного. Лицо у него осталось вежливым, но взгляд стал растерянным, будто он неожиданно почувствовал что-то, чему не мог найти объяснения.

Сеичи же смотрел на него спокойно.

Слишком спокойно.

— Приятно познакомиться, — сказал Саша, отпуская его руку. — Спасибо, что прилетели вместе с Викой.

— Она не должна была ехать одна.

Сказал просто. Ровно. Без вызова.

Но Саша почему-то кивнул так, будто услышал не заботливую фразу парня, а приказ старшего по званию. Я прикусила губу, чтобы не фыркнуть.

Вот он, мой Сеичи. Человек, который умудряется даже в аэропорту создавать вокруг себя атмосферу древнего клана, тайного ордена и лёгкой угрозы для всех, кто неудачно моргнул.

— Машина недалеко, — сказал Саша, подхватывая мой чемодан. — По дороге всё расскажу. Мама дома, Даша тоже. Мы решили пока её не перегружать больницами и чужими людьми, пусть привыкает.

— А я у нас кто? — уточнила я. — Не чужой человек или перегрузка?

— Ты — приятный сюрприз, — с надеждой сказал он.

Я вздохнула.

Ну вот как с такими спорить?

Слишком добрые. Слишком радостные. Слишком уверенные, что если чудо уже произошло, то дальше всё обязательно наладится.

А у меня за спиной шёл Сеичи. И молчал. Ненавижу, когда он молчит так выразительно.

Мы вышли из здания аэропорта. Холодный воздух тут же полез под куртку, напоминая, что я вообще-то вылетала из Сеула, где моя жизнь была понятной, тёплой, почти красивой и определённо не требовала срочного участия в чужих чудесах.

Я поёжилась. Сеичи тут же, не спрашивая, поправил на мне шарф.

— Я сама могу, — машинально буркнула я.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что ты не сделала.

Саша, кажется, попытался спрятать улыбку.

Я бросила на него взгляд.

— Даже не начинай. У меня перелёт, стресс и моральное право быть вредной.

— Да я ничего, — быстро сказал он. — Просто... Даша раньше тоже так говорила.

Я замерла едва заметно.

— Как?

— Ну... когда о ней заботились. Вечно: «я сама», «не надо», «я справлюсь». А потом всё равно забывала шарф или ключи.

Что-то кольнуло внутри. Не сильно. Просто странно. Я почему-то подумала, что Даша мне уже начинает нравиться. Заочно. Очень неудобно.

Сеичи посмотрел куда-то в сторону дороги.

— Нам лучше не задерживаться, — сказал он.

— Почему? — спросила я.

— Пока не знаю.

Отлично. Просто прекрасно. Вот именно таких ответов мне и не хватало после двенадцати часов дороги. Саша, конечно, не понял скрытого смысла. Или сделал вид, что не понял. Кивнул и повёл нас к парковке.

— Даша будет рада, — сказал он уже тише. — Я очень на это надеюсь.

Я посмотрела на него и впервые по-настоящему увидела, насколько он устал. Радость радостью, но четыре года ожидания не проходят просто так. Они оставляют в человеке что-то такое, что не исчезает даже после чуда.

— Будет как будет, — сказала я мягче, чем собиралась. — Не дави на неё слишком сильно. Даже хорошими сюрпризами можно пришибить, если размахнуться от души.

Саша усмехнулся.

— Постараюсь.

Я хотела добавить что-нибудь ещё, но Сеичи вдруг чуть заметно коснулся моей спины. Почти невесомо. Для чужого взгляда — просто жест поддержки.

Для меня — знак. Он что-то почувствовал. Я не стала спрашивать при Саше. Только крепче взялась за ручку сумки и пошла к машине.

Ну что ж, Вика. Добро пожаловать в очередную историю, в которую ты вообще-то не собиралась ввязываться.

Хотя кого я обманываю? Со мной иначе и не бывает.

ГЛАВА 7 ДОМ НЕ ВЫДЕРЖАЛ ТРОИХ

Когда внизу хлопнула входная дверь, Итой даже не сразу поднял голову.

За последние часы он уже успел возненавидеть этот дом почти так же сильно, как больницу палату. Здесь всё было пропитано чужой жизнью. Не просто бытом — памятью. Вещи стояли не абы как, а на своих местах. Кружки, книги, фотографии, ваза у окна, плед на диване, запах кофе, выпечки и человеческого тепла. Всё это складывалось в цельную, устойчивую систему, в которую его пытались втиснуть, как лишнюю деталь.

Возмутительно.

Он стоял у окна в гостиной, делая вид, что рассматривает улицу. На деле же слушал. За те дни, что он провёл в этом теле, слух успел обостриться не хуже инстинкта. Чужая жизнь требовала слишком много внимания. И если в начале его раздражала одна только слабость тела, то теперь к ней прибавилось другое — плотность чужих связей. Люди здесь были нелепо привязаны друг к другу. Звали. Ждали. Вглядывались. Запоминали интонации, жесты, вкусы. Это мешало.

Особенно брат.

Саша был неопасен в привычном понимании. Не обладал ни силой, ни хищной волей, ни даром, который стоило бы принимать в расчёт. Но он наблюдал. А наблюдательные смертные иногда доставляют больше неудобств, чем открытые враги.

В коридоре слышались голоса.

Один — мужской, знакомый.

Саша.

Второй — женский. Итой нахмурился. Гостья? Не вовремя.

Он уже собирался отступить вглубь комнаты, чтобы в очередной раз изображать потерянную и раздражённую Дашу, когда голос ударил по памяти так, будто кто-то резко сорвал покров с давно застывшей поверхности.

— Саш, ты серьёзно? Вы решили сделать сюрприз человеку после четырёх лет комы? У вас вообще инстинкт самосохранения в семье передаётся через поколение или выборочно?

Итой замер.

На одно долгое, вязкое мгновение ему показалось, что он всё ещё находится во власти какого-то дурного наваждения. Что Аллимуа опять издевается, подсовывая ему образы из тех линий судьбы, которые давно иссякли.

Но нет. Он узнал этот голос сразу. Виктория. Человечка, которую он однажды вплёл в свои расчёты так же хладнокровно, как вплетал в них всех остальных.

Та самая, чья смерть на Элтаэ должна была стать частью большой, необходимой цепи. Та самая, которую в итоге унёс из-под носа у самой смерти белый змайс.

Невозможно. Итой медленно обернулся.

 Сначала он увидел её.

Лицо не изменилось. Время, мир, одежда, осанка — всё это могло стать иным, но черты остались теми же. Живое лицо. Человеческое. И слишком... настоящее для существа, которое он когда-то внутренне уже списал в категорию принесённых жертв.

На долю секунды сознание дало сбой. Потом взгляд скользнул правее. И вот тогда мир действительно качнулся.

Рядом с ней стоял глава рода сша Сфашей.

В человеческом облике. С тем же лицом. С той же посадкой головы. С тем же почти невыносимым спокойствием, под которым всегда скрывалось нечто куда более опасное, чем позволяла увидеть поверхность.

И всё же это был он. Не тень и не жалкий отпечаток души. Целитель был здесь, на Земле.

Живой.

И сильный.

Итой понял это сразу, по тому как изменился воздух в комнате. Как пространство вокруг целителя вдруг стало казаться теснее.

И как всё внутри самого Итоя мгновенно насторожилось, словно встретило не просто старого знакомого, а хищника, способного разорвать глотку быстрее, чем ты успеешь выдохнуть.

Надежда поднялась в нём так же резко, как несколько мгновений назад поднялось неверие.

Если целитель здесь. Если он не растерял силу. Если этот мир всё же способен удерживать подобную сущность и не рассыпаться в прах...

Значит, Земля не так пуста, как казалось. Итой ощутил, как уголок губ сам собой дёрнулся в почти невидимой усмешке. Любопытно. Очень любопытно.

Потрясённым, впрочем, он себе показаться не позволил. Лишь медленно выпрямился. Саша, до этого ещё что-то говоривший, запнулся на полуслове и растерянно посмотрел то на «сестру», то на Вику, то на стоящего рядом с ней мужчину.

Вика тоже уже увидела его. А вот целитель отреагировал иначе. Просто в какой-то момент Итой увидел, как вся его человеческая маска — спокойная, ровная, почти безупречная — стала чем-то натянутым поверх настоящего существа.

Глаза чуть сузились. Черты застыли. И в следующее мгновение Итой понял: белый змайс узнал его. Как и подобает тому, кто умеет работать с тем, что обычные существа даже не в состоянии ощутить, по душе.

— Вика? — осторожно позвал Саша, явно почувствовав, как резко изменилось напряжение в комнате. — Даша? Всё нормально?

— Нет, — тихо ответил Сеичи, не сводя глаз с Итоя. — Сссовсем нет.

Вика резко повернула голову к нему.

— Что это значит?

Но он уже сделал шаг вперёд. Один. Медленный. Почти ленивый. И от этого шаг казался опаснее любого броска.

— Выйди, — произнёс Сеичи, глядя на Итоя. — Немедленно.

Саша нахмурился.

— Простите, я не очень понимаю, что...

— Не ты, — всё так же спокойно произнёс Сеичи. — Он.

Тишина стала плотной. Саша все ещё пытался понять, кто такой он. Ведь помимо него и избранника Вики, в комнате мужчин не было. Итой выдержал короткую паузу. Ровно настолько, чтобы слова противника успели впитаться в воздух, в лица, в сознание людей.

Затем медленно поднял подбородок и позволил себе усмешку.

— Надо же, — протянул он голосом Даши, от которого теперь сквозило чем-то ледяным и совершенно неженским. — Ты всё-таки не окончательно растерял остатки полезных способностей... Главааа....

Саша побледнел. Вика моргнула, будто услышала не просто неуместную грубость, а что-то такое, чего не могло быть в принципе.

Целитель же не дрогнул, только произнёс тише:

— Итой.

Вика резко вдохнула. Имя ударило по комнате почти так же ощутимо, как до этого её голос — по памяти эльфа. Тот самый вездесущий и вредный эльф?

— Что?.. — выдохнула она и перевела взгляд на Дашу, затем снова на возлюбленного — Нет. Подожди. Ты сейчас о чём вообще?

Итой посмотрел прямо на неё. Вот теперь в глазах Виктории проступило не просто замешательство. Он все ещё сомневалась, была неуверенная. Но на поверхность уже проступала давно забытая злость.

Он видел, как в ней одна за другой вспыхивают ассоциации.

Вика сравнивала то что видела сейчас с тем, что всплывало в памяти специально позабытое. Высокомерие. И тот самый яд, который когда-то сочился из него с такой естественностью, словно был частью крови.

— О не-ет... — это невозможно...откуда он здесь появился.

Итой склонил голову набок.

— Какая трогательная проницательность, — произнёс он. — Твой вкус к неприятным открытиям, вижу, не изменился.

Вот теперь она действительно поверила.

Это было видно по тому, как лицо Виктории сначала вытянулось от шока, а потом исказилось чем-то между неверием и отвращением.

— Это... это не может быть, — выдохнула она. — Ты же...

— Что? — мягко осведомился Итой. — Должен был остаться по ту сторону? Исчезнуть? Рассыпаться в прах от стыда? Увы. Мир, как видишь, иногда бывает к удивительным существам чрезмерно терпим.

Саша сделал шаг вперёд, заслоняя собой то ли Дашу то ли Вику. Сестра вела себя странно, но она все же была его сестрой.

Жест был почти смешным.

— Так, стоп, — резко сказал он. —Я не знаю что сейчас происходит.. Так что давайте без...

— Без чего? — лениво перебил Итой. — Без правды? Или неудобных воспоминаний? Без тех вещей, о которых вы, смертные, предпочитаете догадываться вполголоса?

— Замолчи, — произнёс Сеичи.

И в этот раз в его голосе уже не осталось ничего человечески-ровного. Итой перевёл взгляд на него.

И, конечно же, он не мог удержаться. Не теперь. Не перед ним.

— Что ж, — тихо произнёс эльф, позволяя яду пропитать каждое слово. — Хоть здесь, возможно, сумеешь её защитити. На Элтаэ у тебя вышло не слишком... убедительно.

Мир не рухнул. Но что-то в Сеичи — рухнуло. Вика резко побледнела. Саша, не понимая смысла, но мгновенно уловив его тяжесть, отшатнулся на полшага.

А Сеичи... Сеичи перестал быть тем мужчиной, который жил с ней все эти четыре года и приехал из аэропорта.

Это произошло не сразу.

Сначала воздух в комнате стал плотнее. Тяжелее. Как перед грозой, только без запаха дождя. Затем тени в углах дрогнули, будто в них плеснули чёрнил. Стекло в окне едва слышно завибрировало. Мебель закричала.

Сеичи сделал вдох.

Итой увидел, как по его вискам, по линии скул, по шее словно пробежала чужая, древняя тень. Волосы начали ещё больше светлеть, возвращая себе тот цвет, который принадлежал не человеку, а существу иной природы.

Плечи раздались, вытягиваясь в новом, неправильном для человеческого дома рисунке. Зрачки утонули в первозданной тьме.

— Сеичи... — очень тихо произнесла Вика.

Не до конца понимая. Но уже зная: сейчас она видит нечто, чего ей не показывали все эти годы.

Он не ответил.

Комната резко стала меньше. Словно в нее внезапно втиснули существо, не предназначенное для таких узких человеческих рамок. Внизу послышался глухой треск. Пол задрожал. И в следующий миг под телом Сеичи рванула наружу иная опора — не ноги, а мощный белёсый хвост, слишком тяжёлый, слишком длинный, слишком живой.

Саша успел только резко обернуться.

Именно в этот момент книжный стеллаж, до этого стоявший у стены, дрогнул и повалился вбок.

— Саша! — крикнула Вика.

Поздно.

Мужчину сшибло краем тяжёлой деревянной полки и отбросило на стену. Что-то хрустнуло. Не мебель — кость. Саша вскрикнул и сполз вниз, прижимая руку к боку.

Вика рванулась к нему. Сеичи не двинулся с места.

Только хвост с силой ударил по полу, и вся квартира содрогнулась так, будто дом внезапно вспомнил, что стоит не на земле, а на краю бездны.

Итой наблюдал за этим молча. Почти с удовлетворением. Вот так уже больше похоже на правду. И в этот самый миг эльф понял окончательно: Земля не пуста. Просто её законы иные.

Здесь сила не течёт так, как на Элтаэ. Она не отзывается привычным способом. Не поёт в жилах мира. Она вплавляется в материю, в тела, в пространство, в саму ткань реальности — иначе, грубее, но не слабее.

А значит, шанс есть. Если этот мир удержал высокородного змайса. Если в нём возможно такое пробуждение. Если магия здесь не мертва, а лишь подчиняется другим правилам...

Тогда и он сможет найти то, что ищет.

Сможет найти ту, ради которой предал друга, императора и самого себя.

Мысль была настолько ясной, что на мгновение заглушила всё остальное — и ревущую силу Сеичи, и боль Саши, и потрясённое молчание Вики.

Но только на мгновение.

Потому что в следующую секунду Сеичи поднял на него взгляд. В отличие от волос, с чернотой заполнившей глазницы.

И в этом взгляде уже не было ничего, кроме одного-единственного намерения. Убить.

ГЛАВА 8 СЮРПРИЗ ДЛЯ КОМАТОЗНИЦЫ

Сеичи всё ещё стоял на хвосте. Волосы снова стали очень длинными, как когда-то, зрачки утонули во тьме, а квартира вокруг него казалась вдруг до нелепого маленькой. Слишком маленькой для существа, которое он так старательно прятал все эти годы.

Вика замерла на полпути. Секунду смотрела на него. На хвост. На волосы. На треснувшую полку.

На Сашу у стены. Потом медленно перевела взгляд обратно на Сеичи.

И Итой с искренним удовольствием увидел тот самый миг, когда в её лице страх уступил место кое-чему куда более знакомому и куда более... Интересному

Ярости. Настоящей. Человеческой. Очень личной.

— Ах ты... — выдохнула она. — Ах ты хвостатый лжец.

Рядом с её ногой валялась одна из книг, слетевших со стеллажа. Не раздумывая ни секунды, Вика подхватила её и со всего размаха запустила Сеичи прямо в голову.

Удар получился звучный.

Не смертельный, конечно. Даже не особенно впечатляющий для существа его уровня. Но книжка шмякнулась о висок так смачно, что даже Итой невольно оценил бросок.

Сеичи моргнул. Один раз. Потом медленно повернул голову к Вике.

— Ты ссерьёзно? — прошипел он уже совсем не тем ровным голосом, каким говорил минуту назад.

— О, теперь он у нас ещё и спрашивает! — всплеснула руками Вика, не понижая тона. — Нет, ну а что, по-твоему, я должна была сделать? Упасть в обморок от умиления?! Сеичи, у тебя хвост! Хвост! Ты, оказывается, всё это время был... был... черт его знает кем на полставки, и ты мне об этом ни слова не сказал!

— Сейчас не время...

— А когда было бы время?! — тут же взвилась она. — После завтрака? Между кофе и ужином? Или ты ждал, пока тут ещё одна книжная полка рухнет, чтобы я такая: “Ой, а что это у тебя волосы побелели и квартира резко стала тесновата?”

Итой стоял у стены, прислонившись плечом к косяку, и откровенно наслаждался происходящим.

Вот это уже было куда интереснее голого всплеска силы.

Драма. Живая. Неловкая. Болезненная. И, как всё человеческое, совершенно неприлично увлекательная.

Сеичи медленно опустился ниже, будто заставляя себя обратно втиснуться в рамки помещения и собственного терпения. Но хвост не исчез. Белые волосы тоже. Слишком поздно было делать вид, что ничего не произошло.

Вика шагнула к нему ближе.

— Ты мне врал, — сказала она уже тише, и это прозвучало куда хуже предыдущего крика. — Всё это время. Четыре года. Ты мне врал в лицо.

— Я не врал, — отрезал он.

— О, правда? — у неё даже голос сорвался от возмущения. — Конечно. Разумеется. Просто, видимо, забыл упомянуть такую незначительную деталь, что ты можешь в любой момент встать на чертов хвост и превратить любую квартиру в филиал конца света! Или ты нашу квартиру оберегал?

— Я не хотел тебя пугать.

— Пугать?! — Вика коротко, зло рассмеялась. — Сеичи, меня сейчас не это больше всего пугает, а то, что ты решил за меня, что мне знать, а что нет!

И вот тут в лице Сеичи что-то дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Но Итой заметил. Вика, впрочем, тоже.

Потому что продолжила уже не просто зло — больно.

— Или что? — спросила она, не отводя взгляда. — Ты думал, я не справлюсь? Решил, что мне лучше жить рядом с тобой и не знать, что ты всё тот же "наг" на самом деле? Очень удобно, между прочим.

— Всё не так, — глухо ответил он.

— А как? Ну давай. Очень интересно послушать.

Сеичи медленно сжал пальцы. Итой видел, как тяжело тому даётся удерживать себя в руках. Не из-за него уже даже — из-за неё.

Из-за того, что её злость он принимал куда болезненнее любого ядовитого выпада.

— Я не хотел напоминать тебе, — тихо сказал он, и на этот раз в голосе не было ни холода, ни ярости. Только жёсткая, почти звериная сдержанность. — О том дне.

Вика замерла. Он продолжил, глядя только на неё:

— Не хотел, чтобы ты снова жила с мыслью, что я... тогда не успел... Не удержал.... Не защитил.

Тишина ударила по комнате сильнее, чем все предыдущие крики.

Даже Саша, морщась от боли у стены, поднял голову и перестал дышать так шумно.

Вика несколько секунд просто смотрела на Сеичи.

И в её лице Итой с неудовольствием уловил то, что всегда раздражало его в подобных сценах больше всего.

Сочувствие.

Нежность, которая упрямо не желала умирать даже тогда, когда для неё были все причины.

Как же отвратительно устроены существа, способные любить.

Нужно было вмешаться. И он вмешался.

— Какая трогательная самоотверженность, — протянул Итой, скрестив руки на груди. — Солгал ей исключительно из благородства. Пожалел. Не захотел тревожить. Ты всегда умел очень красиво называть собственную слабость.

Оба взгляда — и Вики, и Сеичи — мгновенно повернулись к нему.

Вот так-то лучше.

Вот так привычнее.

— А ты вообще рот закрой, — зло бросила Вика, и Итой невольно отметил: о, а это уже знакомо. — Ты тут что забыл, а? Тебя вообще кто сюда звал? Мало было того, что ты наворотил там — теперь ещё и сюда припёрся?

Итой усмехнулся.

— Какая тёплая встреча. А я уж начал опасаться, что годы пошли тебе на пользу.

— Не беси меня, эльф! — рявкнула она так, что даже Саша вздрогнул. — И без тебя тут весело! Человек ранен, вот вот нагрянут его родители.. Любимый мужчина, оказывается, хвостатый катастрофический врунишка, а ты... Ты в теле крестница моей матери, стоишь и ещё комментарии отпускаешь! Что ты тут вообще забыл?!

Очень хороший вопрос.

Очень.

И на лице Итой даже мелькнуло нечто почти искреннее.

— Выживаю, — мягко ответил он. — Как видишь.

— О, да неужели? — огрызнулась Вика. — А по дороге не мог выбрать кого-нибудь не связанного со мной? Мне твоей рожи и на Элтаэ хватило!

— Не выбирал, — пожал плечами эльф. — Меня, увы, тоже не спрашивали.

— Бедняжка, — ядовито бросила она. — Прямо сейчас расплачусь.

Итой чуть склонил голову.

— Не стоит. Слезами ты и в прошлый раз никого не спасла.

Вот тут взвились оба.

Сеичи рванулся первым. Не всем телом — этого и не потребовалось. Воздух в комнате будто схлопнулся, хвост с глухим ударом сжал пространство между ними, а тьма в глазах стала такой плотной, что у Саши, кажется, на секунду просто перехватило дыхание.

Вика же шагнула вперёд так резко, будто тоже была готова вцепиться в Итоя руками, если Сеичи не успеет первым.

— Ещё одно слово, — тихо сказала она, и это “тихо” оказалось страшнее любого крика, — И я лично найду способ сделать так, чтобы тебе и в этом теле стало очень неудобно.

Итой с интересом перевёл взгляд с неё на Сеичи.

А потом позволил себе ещё одну, последнюю усмешку.

— Вот это уже больше похоже на правду, — произнёс он. — А то я начал опасаться, что этот мир окончательно вас испортил.

Саша у стены тихо застонал, и это, как ни странно, сработало лучше любого окрика.

Вика дёрнулась к нему первой.

Сеичи — следом.

И только Итой остался на месте, наблюдая, как трескается, разлетается и перестраивается чужая жизнь прямо у него на глазах.

Что ж. Земля и правда оказалась куда интереснее, чем он предполагал.

Сеичи всё ещё смотрел на Итоя, взглядом вколачивал взглядом в стену, пол и, желательно, в нижние слои мироздания. Воздух между ними дрожал, как натянутая струна. Ещё чуть-чуть — и, кажется, от дома останется не «дом после странного происшествия», а архитектурное недоразумение с фундаментом.

— Сеичи, — рыкнула я, уже опускаясь к Саше. — Не сейчас! У нас тут, между прочим, человек пострадал!

Саша сидел у стены, белый как простыня, прижимая руку к боку и пытаясь понять, в какой момент его нормальная жизнь подала заявление на увольнение.

— Я... я в порядке, — выдавил он.

— Конечно, в порядке, — огрызнулась я. — Просто решил полежать у стены для атмосферы.

Я протянула к нему руку.

И вот именно в этот момент посреди разгромленной гостиной вспыхнула воронка.

Без предупреждения, красивой подготовки и без таблички: «Осторожно, сейчас вашу жизнь снова утащит в неизвестном направлении».

Пространство треснуло, будто кто-то изнутри распорол воздух. По комнате ударил холод, половицы вздрогнули, осколки стекла поползли по полу, а я, уже наклонившаяся к Саше, вдруг почувствовала знакомое до тошноты притяжение.

— Да вы издеваетесь... — только и успела выдохнуть я.

А потом меня дёрнуло вперёд. Так, будто невидимая рука схватила за грудки и решила, что спорить со мной — пустая трата времени.

— Вика! — крикнул Сеичи.

Он рванулся ко мне быстрее, чем я успела испугаться. На миг его пальцы почти сомкнулись на моей руке. Почти. Я даже почувствовала тепло его кожи.

И всё.

Воронка вспыхнула ослепительно-белым, ударила по нему силовой волной и отбросила в противоположную сторону. Сеичи врезался в стену с таким глухим звуком, что у Саши, кажется, окончательно отпали последние надежды на объяснимую реальность.

— Сеичи! — крикнула я.

Но голос уже провалился куда-то в шум. Меня затащило внутрь. Воронка схлопнулась. Несколько секунд никто не двигался.

Саша смотрел туда, где только что была Вика. Потом на разбитую мебель, Сеичи, его змеиный хвост, на собственную руку. Судя по лицу, он очень хотел спросить что-нибудь разумное, но разумного в комнате не осталось вообще ничего.

— Это... — начал он хрипло. — Это что сейчас было?

Сеичи медленно поднялся. Волосы всё ещё оставались белыми. Зрачки — слишком тёмными. Хвост тяжело скользнул по полу, сдвигая обломки стеллажа. На его лице не был только холод.

Итой, наблюдавший за всем с неподдельным интересом, на миг прищурился.

— Любопытно, — лениво произнёс эльф.

Сеичи повернул к нему голову.

— Молчи.

— Я бы с радостью, — мягко ответил Итой. — Но, боюсь, в сложившейся ситуации молчание было бы почти невежливым.

Саша медленно перевёл взгляд на «сестру».

— Даша... — выдохнул он...затем резко спохватился и попытался подняться — Что ты такое?..

Итой даже не посмотрел на него. Всё его внимание было приковано к целителю.

Белый змайс стоял неподвижно, прислушивался. К следу, оставшемуся после воронки. И по тому, как напряглась его челюсть, Итой понял: след не поддавался.

Как неприятно. Для него, разумеется. Для Итоя же — весьма занимательно.

— Не можешь её достать? — провокационно запел он.

Белый змайс не ответил и именно это было ответом, Итой чуть склонил голову.

— Какая досада. Второй раз подряд наблюдать, как её у тебя забирают, должно быть, крайне неприятно.

На этот раз Сеичи оказался рядом мгновенно, сорвался.

Его рука сомкнулась на горле Итоя, прижимая к стене с такой силой, что у того перед глазами на миг вспыхнули тёмные пятна. Тело Даши жалобно отозвалось болью, воздух оборвался в груди.

Но Итой всё равно усмехнулся.

— Что? — прохрипел он. — Снова не нравится правда?

Тьма в глазах Сеичи стала гуще.

— Где она?

— Если бы я знал, — с трудом произнёс Итой, — Поверь, использовал бы это куда изящнее.

Сеичи сжал пальцы сильнее. Саша рванулся вперёд, но тут же согнулся от боли.

— Хватит! — ему было страшно, но все равно прохрипел он. — Это тело моей сестры!

Целитель замер. Итой уловил этот миг и, конечно, не удержался.

— Какая трогательная забота о чужой оболочке, — прохрипел он. — Почти благородно.

Сеичи медленно разжал пальцы. Итой сполз по стене, закашлялся, но на лице у него всё ещё оставалась эта невыносимая, почти довольная усмешка.

Он поднял взгляд на белого змайса.

— Скажи мне лучше, Главааа... — произнёс он уже тише, растирая шею. — Ты так и не разорвал её брачную вязь?

Комната снова застыла. По лицу Саши было видно, что он ничего не понял. Молчание змайса послужило Итою ответом. Женские губы скривившись в слишком широкой улыбке.

— Вот тебе и ответ. Ее вернуло к ее хранителю, — продолжил он, словно беседовал в гостиную за бокалом вина, а не сидел на полу в чужом женском теле среди обломков мебели.

— Как ты вообще собирался обзаводиться потомством? Или решил, что любовь, смерть и героические жертвы прекрасно заменят элементарную предусмотрительность?

Сеичи смотрел на него так, будто выбирал, с какого именно места начать расчленение.

— Мне не нужно потомство, — произнёс он тихо. — Мне нужна только Вика.

Итой замолчал, затем медленно поднялся, держась за стену.

— Как трогательно, — всё же произнёс он, но на этот раз яд прозвучал чуть глуше. —

И крайне неудобно для всех остальных.

Сеичи отвернулся от него. Вся его сущность была направлена туда, где исчезла Вика.

Саша всё ещё сидел у стены, бледный и потрясённый, в разгромленной гостиной, рядом с существами, которых ещё несколько минут назад считал людьми.

— Кто-нибудь, — сдавленно произнёс он, — Может объяснить мне, что происходит?

Итой посмотрел на него, потом на Сеичи. Потом на место, где схлопнулась воронка. И почти лениво заметил:

— Боюсь, твоя сестра выбрала не самый спокойный день, чтобы вернуться к жизни.

Саша выдохнул что-то нечленораздельное. А Сеичи вдруг резко повернул голову.

— Замолчи, эльф.

И в этот раз Итой благоразумно послушался. Пока белый змайс прикидывал пытался придумать почему стоило позволить эльфу жить.

Сам Итой уже придумал план по использованию целителя в своих целях.

ГЛАВА 9 КОГДА РОДИТЕЛИ ПОЧТИ ДОМА

Саша сидел у стены и, кажется, очень старался не потерять сознание. Что-то хрустнуло. Дышать неприятно. В боку режет. Нормальная человеческая боль. Почти родная на фоне всего, что только что случилось.

А вот всё остальное...

Саша медленно перевёл взгляд по гостиной.

Гостиная, которую мать ещё утром вытирала, поправляла, украшала и радостно называла «уютной», теперь выглядела так, будто в ней одновременно прошли ремонт, ураган, семейная ссора и нападение неизвестного крупногабаритного животного.

Саша сглотнул.

Потому что посреди их квартиры действительно находился самый настоящий... Нет. Мозг отказывался называть это слово. Но глаза упрямо настаивали. Наг.

Или змей. Или человек-змей. Или как там правильно называлось существо, которое ещё десять минут назад выглядело как спокойный мужчина из аэропорта, а теперь занимало половину гостиной.

Саша медленно повернул голову к Даше. Вернее, к тому, что выглядело как Даша.

Его сестра сидела на полу у стены, потирая шею после того, как это существо едва её не придавило, и смотрела на происходящее с таким выражением, будто не видела ничего особенно неожиданного.

Это, пожалуй, пугало даже сильнее хвоста.

— Я... — Саша попытался вдохнуть глубже, но тут же закашлялся от боли. — Я сейчас сойду с ума.

— Поздновато, — сухо заметила Даша.

Только это была не Даша.

Саша уже не мог заставить себя думать иначе. Не после того, как она произнесла слово «Глава» так, будто знала его не первый год, а из какой-то чужой, старой, мрачной жизни.

Сеичи резко повернул голову. И вот тут, впервые за всё время, его лицо изменилось. Словно, он вспомнил о чём-то крайне неприятном.

О том, что кроме исчезнувшей Вики, в комнате был ещё один живой человек. Раненый человек. Человек, которого он, если совсем честно, сам же и покалечил.

Саша увидел, как на медленно скользнул взглядом по его лицу, по руке, прижатой к боку, по неестественно напряжённым плечам.

Несколько мгновений тот не двигался.

Саша даже решил, что его сейчас просто оставят сидеть у стены как часть интерьера. Учитывая происходящее — не худший вариант. Интерьеры хотя бы обычно не спрашивают, верят ли они в нагов.

Но потом Сеичи сжал челюсть.

— Она мне этого не простит, — едва слышно произнёс он.

— Кто? — хрипло спросил Саша и тут же пожалел, потому что дышать было больно.

Наг тем временем не ответил, но приблизился каким-то плавным скольжением, от которого у Саши волосы на затылке встали дыбом. Огромный хвост тихо прошёлся по полу, сдвигая книги, осколки и ножку от столика.

— Не двигайся, — сказал Сеичи.

— Да я как-то и не собирался танцевать, — прохрипел Саша.

И тут же сам удивился, что вообще способен шутить. Сеичи опустился рядом с ним. Вернее, наклонился так, как могло наклониться существо с человеческим торсом и змеиным телом.

От этого зрелища Саша на секунду опять почти выпал из реальности. Потом прохладные пальцы коснулись его ребра.

Боль вспыхнула так резко, что он зашипел сквозь зубы.

— Перелом, — спокойно сказал Сеичи.

— Спасибо, доктор, — выдавил Саша. — А я-то думал, просто характер испортился.

На губах существа не дрогнуло ничего. Зато у стены тихо фыркнули. Саша резко повернул голову к Даше. То есть не к Даше.

Она смотрела на них с явным интересом.

— Неожиданно, — произнесла она. — Кажется, в этой семье остроумие всё же не полностью вымерло.

— Заткнись, — одновременно сказали Саша и Сеичи.

Несколько секунд в комнате стояла тишина.

Потом Даша... эльф... кто бы он ни был, медленно улыбнулся.

— Какая трогательная согласованность. Почти семья.

Саша хотел сказать что-то очень грубое. Правда хотел. Но в этот момент ладонь Сеичи стала тяжелее, воздух вокруг будто уплотнился, и боль под рёбрами вдруг начала не усиливаться, а отступать.

Саша зажмурился и вцепился пальцами в ковёр.

— Что т-ты делаешь? — выдохнул он.

— Исссправляю то, что сссломал, — ответил Сеичи.

— Ты... врач?

— Нет.

— Конечно, — Саша нервно усмехнулся. — Было бы слишком просто.

Сеичи чуть повернул голову.

— Я целитель.

Саша открыл глаза.

— Целитель, — повторил он. — С хвостом.

— Да.

— А она? — он кивнул в сторону сестры, не отрывая напряжённого взгляда от Сеичи.
— Она кто?

— Не она, — спокойно ответил Сеичи.

Саша побледнел.

— Очень помогло.

— Тело твоей сссестры живо, — добавил Сеичи. — Душа в нём чужая.

Мир снова неприятно качнулся.

Саша хотел спросить, где тогда Даша. Хотел спросить, можно ли вернуть её обратно. Но слова не вышли. Слишком много вопросов и слишком мало нормальных ответов.

А вот тот, кто сидел у стены в теле Даши, явно прекрасно чувствовал себя среди этого хаоса.

— Душа чужая, — повторил Итой, как будто пробуя формулировку на вкус. — Несомненно. Но, что приятно, не бесполезная.

Сеичи медленно поднял на него взгляд.

— Говори бысстрее.

— Как грубо. Впрочем, в нынешних обстоятельствах простительно.

— Итой

Саша дёрнулся, просто великолепно, затем тихо рассмеялся.

— Я помогу, — вдруг произнёс Итой.

Сеичи не шелохнулся.

— Ты?

— Не делай такое лицо. Оно тебе не идёт.

— Зачем?

Итой аккуратно поднялся, придерживаясь за стену. Тело Даши всё ещё двигалось слабее, чем ему хотелось, но сейчас в его позе появилось нечто совсем иное. Холодная, почти академическая уверенность существа, привыкшего стоять у кафедры, перед залом, перед судьбами, перед теми, кто вынужден слушать.

— Потому что, как бы прискорбно это ни звучало, я был ректором Магической Академии, — произнёс он. — И, в отличие от большинства присутствующих, имею хоть какое-то представление о переходах, разрывах пространства, привязках души и следах, которые оставляют подобные воронки.

Саша медленно повернул голову к единственному относительно адекватному существу.

— Магической... Академии?

— Потом, — коротко сказал тот.

Итой едва заметно склонил голову.

— Если выживем, я составлю для тебя программу вводного курса.

— Да пошёл ты.

— Уже лучше, — удовлетворённо заметил эльф. — Начинаешь принимать реальность.

Сеичи резко сжал руку на боку Саши, и тот зашипел.

— Тише.

— Это ты ему скажи!

— Я слышу, — лениво напомнил Итой.

— К сожалению, — бросил Сеичи.

Итой улыбнулся уже шире.

— Как приятно. Всё ещё способен на ответные уколы. Значит, окончательно не одомашнился.

Сеичи поднялся чуть выше на хвосте. Воздух сразу потяжелел.

Саша, даже не понимая всех нюансов, понял главное: сейчас опять что-то рухнет.

— Эй! — выдавил он. — Родители скоро вернутся!

На этот раз замолчали оба. Итой первым перевёл взгляд на дверь. Потом медленно осмотрел гостиную.

Разбитая полка. Осколки. Съехавший ковёр. Следы хвоста на полу. Саша у стены. Сеичи в полузмеином облике.

— Да, — произнёс эльф почти задумчиво. — Объяснить это последствиями комы будет несколько затруднительно.

— Несколько?! — сорвался Саша. — Да мама умрёт на месте!

— Не драматизируй, — сухо сказал Итой. — Судя по её эмоциональной устойчивости, она просто потеряет сознание. Возможно, дважды.

Саша уставился на него с таким видом, будто пытался понять, можно ли ударить родную сестру, если внутри неё сидит высокомерная сволочь.

Сеичи, наконец, убрал руку от его бока.

— Дыши.

Саша осторожно вдохнул. Боль всё ещё была, но уже глухая, терпимая. Рёбра больше не резали при каждом движении. Он потрогал бок и вытаращился.

— Ты правда... вылечил?

— Не полностью. Нужно время.

— Время, которого у нас нет, — напомнил Итой. — Если Вика прошла через нестабильную воронку, след начнёт распадаться. Чем дольше ты здесь ползаешь кругами и играешь в заботливого целителя, тем меньше шансов определить направление.

Сеичи медленно повернулся к нему.

— Тогда говори.

— С удовольствием. Но сперва условия.

Тишина стала такой плотной, что Саша даже перестал щупать свой бок.

— Усссловия? — переспросил Сеичи.

— Разумеется. Я помогаю тебе найти Викторию. Ты помогаешь мне.

— В чём?

Итой посмотрел на него внимательно.

Слишком внимательно.

— В ближайшие месяцы ты находишься рядом со мной. Неотлучно.

Саша медленно открыл рот.

— Что?

Итой даже не взглянул на него.

— Мне нужен твой дар, Глава.

Вот теперь Сеичи застыл, затем резко бросил

— Нет,

— Как быстро. Даже почти невежливо. А Вику ты хочешь найти? Уверен время течет по разному в обоих мирах. Очнутся не успеешь и к тебе вернётся не прекрасная дева...а не иссохший труп.

Воздух снова дрогнул. Итой не отступил. В теле Даши это выглядело почти нелепо — хрупкая молодая женщина против полузверя, от которого трещал сам дом. Но в глазах Даши сейчас не было ни капли страха, только холодный расчёт.

— Не сссмей, — тихо произнёс Сеичи.

— Я лишь озвучиваю очевидное. Тебе нужен я. Мне нужен ты. Какая удачная, почти трогательная взаимозависимость.

— Я найду её без тебя.

— Возможно. — Итой чуть наклонил голову. — Но ты ведь не уверен. Иначе уже был бы там, а не стоял здесь, пытаясь испепелить меня взглядом.

Саша смотрел на них, всё ещё прижимая ладонь к боку, и вдруг отчётливо понял: эти двое действительно давно знакомы.

Не просто знакомы.

Между ними было что-то старое, тёмное, настолько тяжёлое, что комната, казалось, провисала под этим грузом.

И его сестра была в центре всего этого. От этой мысли Сашу снова замутило.

— Ты хочешь использовать его, чтобы... что? — спросил он, сам не понимая, зачем вмешивается. — Вернуть себе магию?

Тогда как его сестра вернётся? Итой наконец посмотрел на него. И впервые за всё время в его взгляде мелькнуло не раздражение, а холодное одобрение.

— Не так безнадежен, как казался.

— Это не ответ.

— Это всё, что ты пока способен переварить.

— Да ты издеваешься.

— Разумеется.

Сеичи резко повернул голову к окну. Саша тоже услышал. Во дворе хлопнула калитка. Потом голоса. Женский и мужской. Родители.

Саша побелел так, что даже исцеление не помогло бы.

— О нет.

Итой медленно посмотрел на Сеичи.

— Вот теперь, целитель, у нас действительно мало времени.

Сеичи сжал пальцы. Белые волосы всё ещё рассыпались по плечам, хвост занимал половину гостиной, а за дверью уже раздавались шаги на крыльце.

— Если ты попытаешься обмануть меня... — начал он.

— Убьёшь? — подсказал Итой. — В очередь.

Саша закрыл глаза.

— Я точно сошёл с ума.

— Нет, — сухо сказал Итой. — Просто наконец-то оказался в относительно правдивой картине мира.

Ключ в замке повернулся. Сеичи двинулся первым. Не к двери, а к воронке, которой уже не было.

Он провёл ладонью по воздуху в том месте, где исчезла Вика. Пространство едва заметно дрогнуло, отвечая ему тонкой рябью. Итой тут же шагнул ближе, забыв на миг о слабости тела.

— Вот, — произнёс он резко. — Не дави. Ты разрушишь остаточный след. Дай ему рас-
пасться по краям и удержи середину.

Сеичи бросил на него взгляд и впервые за всё время не возразил. Саша смотрел на них с открытым ртом.

Дверь начала открываться.

А посреди разгромленной гостиной, между осколками стекла, книгами, следами хвоста и едва живой человеческой нормальностью, два существа из другого мира впервые за долгие годы оказались вынуждены действовать не друг против друга. А вместе.

ГЛАВА 10. ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ

САША

Сутки спустя я сидел на кухне,пил остывший кофе и старался не смотреть под стол. Не потому что там было что-то интересное. Наоборот.

Мне очень не хотелось проверять, точно ли у Сеичи ноги. Вчера у него ног не было,у него был хвост, настоящий, белый, огромный. И способный превратить нашу гостиную в филиал строительного мусора.

А сегодня он сидел напротив меня как нормальный человек. Почти. В чёрной рубашке, с собранными волосами, с чашкой чая в руках и таким лицом, будто максимум, что случилось, — мы вчера чуть шумновато передвинули мебель.

Я опустил взгляд на его руки. Человеческие. Пальцы длинные, спокойные. Только я слишком хорошо помнил, как эта рука вчера сжимала горло моей сестры. Нет. Не сестры. Тела моей сестры. Господи.

Я провёл ладонью по лицу и уставился в кружку. Кофе остыл. Конечно остыл. Я его уже минут двадцать держал, как спасательный круг.

На другой стороне стола Даша — или то, что сейчас называло себя Итоем, — ела тост. Вот тут мозг тоже спотыкался.

Потому что выглядела она как Даша. Моя Дашка. С её светлыми волосами, с её лицом, с её родинкой возле ключицы, с её пальцами, которые я помнил с детства, когда она вцеплялась в мою куртку и орала, что я обязан тащить её на качели.

Она сидела по-мужски. Нога закинута на ногу. Локоть на столе. Взгляд такой, будто не кухня у нас маленькая, а мир недостаточно просторный для его драгоценной персоны.

— Ты опять смотришь, — сказала она.

Голос Дашин. Меня передёрнуло.

— Не опять.

— Уже третий раз за последние пять минут.

— Считал? — окрысился на него.

— Ты очень однообразен в проявлении ужаса. Это утомляет.

Я сжал кружку крепче.

— Прости, что не развлекаю тебя достаточно качественно.

Даша медленно подняла взгляд и улыбнулась. Лучше бы не улыбалась. Вот именно это бесило сильнее всего.

— Уже лучше. В тебе просыпается характер.

— Он у меня и так был.

— Просто прятался от стресса?

Я открыл рот, но тут Сеичи поставил чашку на стол, очень тихо. А у меня слова застряли в горле. Я ненавидел себя за это. Правда ненавидел. Но тело помнило вчерашнее лучше головы. Помнило треск пола. Хвост. Тьму в глазах. То, как мебель летела в сторону, будто ничего не весила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.